

НАМТАР

Владимир Василенко

Владимир Василенко

Намтар

«Издательские решения»

Василенко В.

Намтар / В. Василенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960142-1

Скрытая толщей веков письменность шумеров приоткрывает тайны древней эры. Герой романа — высокопоставленный царский сановник при дворе богоподобного царя Шульги-Сина. Движимый обычными человеческими чувствами: любовью, ревностью, тщеславием, ненавистью, страхом, надеждой — он помнит о долге перед государством и родом. Но миром правит демон судьбы и смерти Намтар. Над ним не властны даже боги.

ISBN 978-5-44-960142-1

© Василенко В.
© Издательские решения

Содержание

Синопис	6
I. Соль	7
II. Царская застава	16
III. Нинсикиль	28
IV. Энкид	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Намтар

Владимир Василенко

Редактор Ирина Щеглова

Корректор Ксения Левонесова

Иллюстратор Наталия Третьякова

Дизайнер обложки Наталия Третьякова

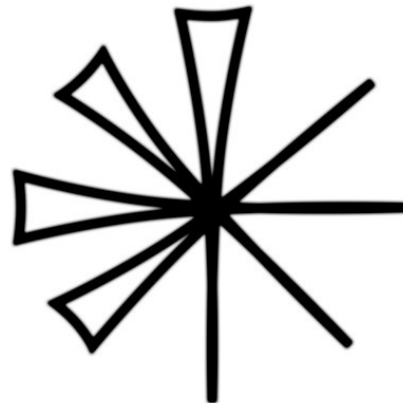
© Владимир Василенко, 2019

© Наталия Третьякова, иллюстрации, 2019

© Наталия Третьякова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0142-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синопис

События, изложенные в этой книге, имели место или могли бы произойти на территории Месопотамии в царстве Шумера и Аккада во время III династии Ура в 2064 году до н. э. Повествование охватывает тридцатый год правления легендарного и богоподобного царя Шульги-Сина. Современники сравнивали его со львом и изображали в образе птицы Имдугуд – орла с головой льва. Во время царствования Шульги-Сина этот древний народ достиг самого известного величия и процветания.

Исследовав многочисленные открытые источники, посвящённые исчезнувшей цивилизации, автор обратил внимание на тот факт, что информация о древних шумерах носит преимущественно академический характер, она рассчитана на узкий круг учёных и специалистов. В процессе изучения текстов и публикаций, видео- и аудиоматериалов возникла идея связать между собой огромный пласт информации из далёкого прошлого. «Намтар» – доступный для широкого круга читателей роман.

Не претендуя на абсолютную научную точность, используя художественный вымысел, автор, тем не менее, базировался на исторических реалиях, фактах, деталях и допущениях. Они послужили обрамлением для воплощения идеи и передачи атмосферы того времени.

Ожившим на страницах романа героям присущи черты и поведение, схожие с теми, что существуют и ныне, но возможные совпадения – случайны.

Внимательный читатель откроет на страницах романа некоторые параллели с устройством древней шумерской цивилизации той эры и нашим обществом и цивилизацией – нашей эрой, сменившей шумерскую. Такие совпадения можно было бы тоже назвать случайными, но, скорее всего, они закономерны и лишь подтверждают известный постулат:

Всё новое – хорошо забытое старое.

І. Соль

*Бери жену по выбору, роди ребенка по сердцу.
Шумерская пословица*

1

– Какая мерзость! Какое унижение! Какая несправедливость!

Палящее солнце находилось в зените. Пальмы, окружающие площадь возле здания суда города Ур – столицы Царства Шумера и Аккада – не отбрасывали тени. На возвышении, сделанном из обожжённых в печи глиняных кирпичей, равнодушные палачи приводили в исполнение решение суда. Они насильно заливали в рот молодой смуглой женщине с волосом благородного чёрного цвета соляной раствор. Руки и ноги несчастной были крепко привязаны к специальным крюкам из бронзы, вмонтированным в деревянный настил, на котором она лежала. Подол её туники задрался. Для палачей это была обыденная работа. Один из них крепко держал её голову, другой стоял над ней с кувшином без ручки – ситулой¹, из которой он мучительно медленно лил всё новые и новые порции соли.

Соль, казалось, пропитала всю сущность этой красивой и стройной шумерской женщины по имени Иннашага. Её прямой правильный нос, её припухшие чувственные губы, её нёбо, язык, горло, даже внутренности отказывались работать и словно кричали о мучительном насилии. Её рвало соляной отравой на глазах у молчащей толпы граждан древнего города Ур.

Ремесленники и торговцы, оставившие на время свои мастерские и лавки; фермеры и погонщики скота, приехавшие в столицу по делам и случайно оказавшиеся на месте экзекуции; несколько богато одетых граждан города в сопровождении рабов, пришедшие специально; городские зеваки, для которых это было развлечением; вездесущие босоногие мальчишки, лишь недавно надевшие набедренные повязки, как знак своего взросления – все они стояли плотным кольцом у арены наказаний. Кто-то смотрел на Иннашагу с жалостью, кто-то с любопытством, кто-то с осуждением. Равнодушных среди публики не было.

Очередной керамический кувшин казался бездонным. В какой-то момент, уже потеряв чувство реальности и находясь в прострации и полубезытье, Иннашага с отчаянием подумала о том, как ужасно несправедливо сложилась её жизнь и какой горькой, в сущности, была её судьба. Она одновременно испытывала позор, беспомощность, жуткую обиду, жалость к себе, но и ярость к своим обидчикам. Бедная женщина была готова и даже хотела разом прекратить все эти унижения и мучения, доставшиеся на её долю, и просто уйти в нижний мир предков, о котором никто из смертных не имеет ни малейшего представления. Но она была уже не одна в этой жизни. Иннашага не могла оставить на произвол судьбы недавно родившегося сына – своего драгоценного Балиха. Кто позаботится о нём, если её не станет?

Иннашагу несколько раз подряд вывернуло наизнанку на глазах любопытной публики. Желчь вперемешку с солью испачкали её длинную белую полотняную тунику без рукавов, её красивое и стройное тело с тонкой талией, её плечи, грудь и лицо. Унизительное наказание замарало её душу. От врождённой гордости уже ничего не осталось. Она была растоптана и уничтожена.

Сквозь пелену слёз, в полубреду Иннашага успела заметить злорадную усмешку её хозяйки Нинсикиль – богато одетой дамы лет тридцати, сидевшей на стуле с высокой спинкой у кирпичной стены рядом с ареной наказаний. Сначала хозяйка разглядывала арену, на которой происходило исполнение решения суда, лениво подставляя себя под любопытные взгляды

¹ Ситула – керамический кувшин без ручки.

зевак. У Нинсикиль был напускной, безучастный вид. Теперь же она вошла во вкус и уже наблюдала за процессом наказания рабыни с явным и нескрываемым удовольствием. Она не торопилась прекратить происходящее, хотя могла сделать это в любой момент всего лишь одним жестом холёной руки. Это Нинсикиль обвинила рабыню в том, что она пыталась равняться со своей госпожой.

Одежды и украшения Нинсикиль; её тонкие и правильные черты лица; чуть светлее обычного кожа; короткая, как у подростка, с продуманными вихрами стрижка, волосы, выкрашенные хной; её карие глаза с прищуром и слегка вздёрнутая вверх голова, что говорило о лёгкой близорукости; рот с красиво очерченными губами, слегка блестящими от дорогого бальзама – всё выдавало в ней знатную и богатую даму.

С помощью судебного служащего – машкима², которого Нинсикиль специально наняла для такого случая, она подготовила письменное заверение, в котором смогла доказать, что вторая жена её мужа Геме-Инша слишком возгордилась. Геме-Инша³ – именно так стали называть Иннашагу после того, как она попала в рабство к важному чиновнику, состоявшему на царской службе, по имени Энкид.

Стараниями машкима, исправно отработывающего причитающуюся ему мзду, от хозяйки даже не потребовалось клятвы при двух свидетелях в Храме клятв. Обычно процедура требовала этого, но иск Нинсикиль был принят судом и так. Без волокиты и задержек дело было рассмотрено в пользу госпожи. Геме-Инше присудили типичное в таких случаях наказание – промывание солью, благо соль добывалась в царстве Шумера и Аккада в больших количествах. В столицу баржами и караванами доставляли соль в плотно набитых мешках, как из Нижнего моря (*Персидский залив*), так и из северных районов. Из морской воды соль выпаривали в горшках, а на севере страны соль добывали, выпаривая её в больших по размеру чанах из раствора, который брали в природных солёных озёрах и шахтах. Это раньше соль была не во всяком доме, а при богоподобном царе Шульги-Син соль появилась в изобилии.

Монотонный голос машкима огласил решение суда – дитилу⁴, зафиксировав на глиняной таблице исполнение приговора по отношению к Геме-Инше. Она не помнила, когда и как закончилось истязание над ней. Всё ещё находясь в состоянии, близком к беспометству, она почувствовала, как чьи-то грубые руки начали развязывать верёвки, спутывающие её тело. Она услышала хриплый голос старшего из палачей, бросившего ей назидательно почти в самое ухо:

«Самое большое прегрешение – гордыня. Пусть это наказание станет тебе уроком на всю жизнь, геме», – от него тошнотворно разило луком.

2

Её госпожа была бесплодной. Нинсикиль в течение долгих лет безуспешно пыталась зачать ребенка, но какая-то женская болезнь или гнев богов не позволяли ей испытать счастье материнства. В какой-то момент терпение её мужа закончилось. В свои сорок пять лет Энкид перешагнул порог зрелости и возмечтал о сыне, который станет по закону его наследником и продолжателем рода. Он боялся, что не успеет передать сыну своё дело, а главное – что тот не успеет достаточно повзрослеть, чтобы организовать отцу достойное погребение.

В царстве Шумера и Аккада считалось, что бездетные мужи обречены на вечные страдания и забвение, так как никто не оплакивал их и не отдавал им должные почести после смерти. Сыновья чтили своих отцов и при жизни. Закон был суров к сыну, который ударит отца – ему отнимали руку. Сыну, отрёкшемуся от отца – вырывали язык. После смерти отца сыновья

² Машким – судебный служащий (адвокат).

³ Геме – рабыня.

⁴ Дитила – решение суда; от «ди-тиль-ля», дословно: «дело закрыто».

не только ухаживали за могилой или семейным склепом в доме отца, но и передавали в поколениях его имя и имена предков по мужской линии. Обожжённые в печи глиняные таблицы бережно хранились в каждом шумерском доме. Считалось, что пока родственники помнили и отдавали должное почтение своим предкам, их духи участвовали в делах семьи и помогали потомкам. Если же сыновья забывали священный долг, отец мстил им, превращаясь в злого и хищного демона нижнего мира Нергала, от которого не жди пощады.

Энкид не относился к родовой знати, но знал свои шесть родов по мужской линии. Последнюю запись на глиняной таблице, посвящённую его отцу, он делал уже сам. Абзу, как звали отца, пожелал оставить после себя на таблице рода:

«Абзу, кто был скотоводом и охотником...»

Энкиду был очень нужен наследник. По закону он мог бы отослать бесплодную Нинсикиль в дом её родителей, при этом вернув приданое и выплатив денежную компенсацию ей и её родителям. Однако размер приданого его жены был слишком велик. В брачном контракте, скреплённом супругами печатями перед свадьбой более десяти лет назад, отражался размер имущества, которое принесла Нинсикиль, выходя замуж за Энкида. Общая стоимость приданого Нинсикиль, включая пять рабов и рабынь, составляла огромную сумму – около десяти мин⁵ или пять килограммов серебра. Энкид благоразумно приумножил семейный капитал, но выплатить приданое – потерять многое.

Его тесть, которого звали Акалла, был предусмотрительным и влиятельным человеком. Он относился к храмовой элите города Ниппур – религиозной столице царства. Акалла был писцом в администрации храма и хорошо разбирался в законах и указах царя Шульги-Сина. Его жалование составляло полтора шекеля в день, что приносило ему около семи мин серебром в год. Согласившись на брак своей семнадцатилетней красавицы дочери и преуспевающего чиновника, он заранее внёс в брачный договор условие относительно денежной компенсации в случае расторжения брака. Этот пункт договора делал развод супругов практически невозможным.

Тогда, после восьми лет совместной жизни, Энкид, заручившись согласием супруги, как её обязывал закон, не разводясь с Нинсикиль, взял себе в качестве второй жены Иннашагу. Наложница была на десять лет моложе Нинсикиль. Прелестная рабыня, которую он выбрал для рождения наследника, отличалась отменным здоровьем, прекрасной фигурой с идеальными формами, смуглой с золотым оттенком кожей, утонченным прямым носом и ровными зубами цвета морского жемчуга. Когда она улыбалась, у неё появлялись очаровательные ямочки на щеках. Энкид отметил её уже при первой встрече, когда рабыню только привели в его дом. Иннашага стояла перед ним, склонив голову. Красивые руки с тонкими пальцами она опустила ближе к коленям, но держала их недостаточно низко и подобострастно для рабыни – не дотрагиваясь до колен.

Энкид сразу обратил внимание на её причёску с просто, но элегантно уложенным пучком и со спадающими на лицо и шею слегка вьющимися прядями. У неё были редкие по красоте волосы – чёрные, шелковистые, как лён, с лёгким пепельным оттенком, как у драгоценной икры осетровых рыб из далёкой страны Аратты (*город-государство на Каспии*). Новая рабыня была, безусловно, шумерского происхождения, как и он сам.

Энкид, важно ступая, приблизился к ней и непроизвольно ощутил аромат её молодого тела и ещё что-то, что было сложно описать словами, но что явно витало в воздухе. Энкид медленно втянул раздувшимися, чувствительными ноздрями её волшебный запах и ласково, на выдохе, спросил на шумерском имя красавицы.

⁵ Одна мина – 60 шекелей; один шекель – 8,3 гр. серебром.

Рабыня медленно подняла божественно красивое лицо и кротко посмотрела в его глаза, робко улыбнувшись. Она ответила Энкиду журчащим, как весенний ручеек, мелодичным голосом:

– Иннашага, мой господин.

Этого мига оказалось достаточно, чтобы пресыщенный славой и достатком чиновник, слегка засмущавшись, вдруг ощутил внезапное и, как он сам считал, уже давно угаснувшее чувство влюблённости. Не просто плотское желание, которое он мог бы удовлетворить на правах хозяина, когда пожелает, и наложница не посмеет ему отказать, а именно влюблённости. Забытое чувство молнией пронзило его грудь, как когда-то очень давно, во времена его ранней молодости.

Нинсикиль, стоявшая позади мужа, тоже уловила нечто, что в один миг связало Энкида и молодую наложницу. Она подошла вплотную к рабыне, встав рядом с мужем. Презрительно рассматривая её, Нинсикиль хлётко и категорично бросила:

– Забудь своё имя, презренная! Отныне ты – Геме-Инша, как это записано в дитиле о твоём рабстве.

3

В суматохе дней и дел Энкид не забыл первую встречу с рабыней. Он ловил себя на том, что думал о ней. Он помнил её волшебный запах и прислушивался, как приятно щемит влюблённостью сердце. Он часто видел её в своих мыслях и во сне. Сначала достигший вершин карьерного роста сановник решил, что это было мимолетное чувство, даже наваждение. Но со временем он заметил, что начал искать встреч с гордой и потрясающе красивой рабыней. Овладевать ею насильно он не собирался. Он хотел завоевать её сердце и словно оттягивал миг неминуемой близости, наслаждаясь его ожиданием.

Большую часть времени Энкид проводил в столице. В свой загородный дом, где жила его наложница, он приезжал довольно редко – не более двух раз в месяц. В последнее время ради неё он стал появляться каждую неделю, а то и чаще. Энкид обожал проводить с ней начало суток⁶. Обычно он приезжал в свой дом, возвращаясь со службы, когда уже садилось солнце и опускалась желанная прохлада вечера. После рутинных домашних дел и обязательной проверки конюшни Энкид располагался на деревянном подиуме в своем саду, лежа на циновках под раскидистыми кронами плодовых деревьев. Он заслуженно отдыхал после дневных трудов, а его рабыня-наложница начинала томно-нежно исполнять для него героические гимны тиги⁷ или гимны гармонии адаб⁸. Временами Иннашага прерывалась, следя, чтобы чаша господина с пивом или с дорогим виноградным вином не была пустой, а сушёный инжир и финики всегда лежали перед ним на плоской серебряной чаше.

Особенно Энкиду нравились гимны, посвященные герою древнего эпоса по имени Гильгамеш – легендарному царю Шумера из города Урук. Время летело незаметно. Энкид возлежал в блаженстве на подиуме, наслаждаясь пением красавицы, прохладным вечером и благоухающим садом. Вечер заканчивался, когда водяные часы – клепсидра⁹ – отсчитывали первую треть ночи¹⁰. Энкид поднимался на плоскую крышу своего дома, всё ещё находясь под чарами любимой наложницы и волшебной музыки, чтобы безмятежно уснуть под соловьиные трели и мерцание звёзд на ночном небе.

⁶ Сутки в Шумере начинались с заката солнца.

⁷ Тиги – гимны, которые исполнялись под лиру.

⁸ Адаб – гимны, которые исполнялись под струнный инструмент, похожий на кобыз.

⁹ Клепсидра – водяные часы в форме призмы или цилиндра.

¹⁰ Ночь делилась на три периода, по четыре часа каждый.

В утренние часы, во время обильного завтрака Энкид любил вести степенные беседы с Шагой, как он стал называть наложницу. Он сам выбирал тему. Энкид, как и всякий чиновник его ранга, превосходно знал систему учёта и владел письмом. Он относился к десятой образованной части населения. Львиную долю всей письменной информации составляли прикладные документы: приказы, распоряжения, нормы потребления, складской учёт, сделки. Многие граждане и даже рабы умели читать и заверять эти документы личной печатью. Лишь десятую часть записей составляли гимны богам и героям, ламентации¹¹ в суровые времена, диспуты, предания. Только очень образованные люди могли читать такую литературу. Энкид знал часть гимнов наизусть. Главным же его увлечением была астрономия. Ещё в школьных классах эдубба¹², тридцать лет назад, он считался лучшим в чтении астрономических таблиц – эфемерид¹³.

Новая рабыня умела читать и писать, так как обучалась этому в храме Нанны – бога Луны и бога-покровителя города Ур. Её мысли отличались точностью и прозорливостью. Шага была умной и сдержанной собеседницей, не скучной и тем более не занудливой. Потрясающе красивая и стройная девушка привлекала и располагала к себе зрелого мужа неподдельным интересом ко всему, сказанному им. Она никогда не перебивала его, не болтала попусту и совсем не сплетничала, чем выгодно отличалась от большинства женщин, с которыми когда-то сводила судьба Энкида. Шага казалась ему трогательно-беззащитной и слабой. Рядом с ней Энкид ощущал себя могущественным и сильным.

Обычно Энкид просыпался рано, до восхода солнца. По утрам он проделывал ритуал приветствия верховному богу Уту – богу Солнца. Ритуал состоял из тщательно повторяемых физических упражнений и духовной практики. Омыв тело и одевшись для выезда, Энкид садился на медный стул с высокой спинкой за дорогой деревянный стол во внутреннем дворе своего богатого дома. Шага степенно прислуживала ему, сменяя на столе обильные яства. Завтрак Энкида состоял из горячих ячменных лепешек, испечённых из муки тонкого помола в специальной круглой печи, врытой в землю во дворе; молока и сыра; измельчённых эммера и кунжута; мёда; овощей и фруктов в зависимости от сезона; орехов нескольких видов; рыбы с пряным соусом, отделённой от костей и нарезанной кусочками; мяса, считавшегося в царстве Шумера и Аккада праздничным блюдом.

Энкид ввёл правило для поваров: в дни, когда он ночевал в своём загородном доме, с вечера готовилось в большом бронзовом котле блюдо из мяса молодого ягнёнка или телёнка. Нежнейшее сырое мясо с жирком выкладывали на дне котла, слегка солили и покрывали слоем лука. Поверх лука выкладывали овощи. Кушание приправляли специями, целыми головками чеснока, стручками острого перца и горстью фиников сверху. Котёл плотно закрывали и не перемешивали до самой готовности. Под ним разжигали огонь из сухих стеблей тростника, после чего мясо медленно томилось целую ночь. Перед подачей повар добавлял по вкусу ещё немного соли, а его подручные тщательно перемешивали мясо с овощами. Рано утром работники-иждивенцы и рабы получали свои доли невероятно вкусного мясного рагу. Энкид же предпочитал добрую чашу изысканного соуса, что оставался на дне котла. Его он пил, завершая завтрак.

4

Энкид полюбил Иннашагу всем сердцем, и рабыня ответила ему взаимностью. Через шесть месяцев счастливый муж назвал её второй женой. Нинсикиль была вынуждена согла-

¹¹ Ламентация – песня-плач.

¹² Эдубба – дом табличек; школа-академия.

¹³ Эфемериды – астрономические таблицы.

ситься. Энкид обеспечил первую жену отдельным домом для проживания и всем необходимым для безбедного существования. Он обязывался предоставлять ей в достаточном количестве зерно, свежее мясо и рыбу, пиво, финики, орехи, мёд, масло лучшего качества, ткани и две пары сандалий в год от лучшего в столице башмачника. Кроме этого он должен был соблюдать и охранять её привилегии, а вторая жена, Геме-Инша, должна была прислуживать Нинсикиль: *мыть ей ноги и носить её стул в храм.*

По закону две жены не могли жить под одной крышей, поэтому первой жене Энкид оставил их общий трёхэтажный дом площадью в десять сар¹⁴, окружённый великолепным ухоженным садом. Дом находился рядом с каналом Инун в пятидесяти эш¹⁵ от городских ворот. Это было дорогое имущество. Нинсикиль имела право на собственность в их огромном общем состоянии, но она не могла разделить её без развода со своим супругом. Развод же в царстве мог потребовать только мужчина, у женщин такого права не было. Впрочем, и Энкид не мог распорядиться имуществом жены без её согласия.

Второй жене – Инше, как теперь стал называть Энкид свою прелестную супругу, объединив начало и конец её полного имени «Иннашага», он предоставил в пользование дом в столице. Дом находился в престижном районе рядом с северной пристанью. Была в городе и восточная пристань – меньшая по размеру. По специально построенному каналу вода из реки Буранун (*Евфрат*) втекала внутрь города через ворота шириной в пять ги¹⁶ в два затона, которые и образовывали искусственные гавани. У гаваней жили люди зажиточные: именитые купцы, торговцы, чиновники.

С плоской крыши дома Энкида открывался вид на северную гавань и широкую торговую площадь. На пристани стояли борт к борту, связанные просмолёнными толстыми тростниковыми канатами мореходные парусные суда, построенные на специальных верфях. Их использовали для заморской торговли. Самые большие из них могли перевозить более сорока гур-лугалей¹⁷ – десяти тонн товаров и грузов.

На соседнем причале стояли корабли на вёслах и шестах, водоизмещением на треть или вполовину меньше парусных. На противоположной стороне пристани швартовались речные баржи. Эти небольшие судна тянули вверх по течению верёвками или баграми бурлаки из числа рабов и наёмных работников. Курсируя между городами царства, они снабжали столицу ячменём, пшеницей, фасолью, эммером, солью, битумом, тростником, шерстью, тканями, одеждой, строительным кирпичом. Завершали картину порта многочисленные репи¹⁸, напоминающие по форме корзины. Лодчонки хаотично-правильно сновали по гавани.

После того как Энкид назвал Геме-Иншу второй женой, он стал совсем редко бывать в доме Нинсикиль, а если и приезжал, то, скорее, по хозяйским делам. Большую часть времени он проводил в городском доме на пристани, где его ждала любимая Инша. Практически сразу после первой близости его прекрасная наложница, а теперь уже и жена, забеременела и наконец-то родила своему господину и мужу ребёнка – крепкого и здорового мальчика, которого он назвал Балих.

Энкид не случайно выбрал это имя для сына. Балихом звали долгожданного ребёнка одного из древних царей Шумера по имени Этана. По легенде, Этана не имел детей и искал «растение рождения», произрастающее высоко в небе. Он спас от злобного змея огромного орла, подружился с ним, помог орлу снова обрести способность летать и упросил его подняться вместе с ним в небо. Орёл согласился помочь и полетел с сидящим на его спине Этаной в проб-

¹⁴ 1 сар – мера площади в 35 кв. м; 10 сар – 350 кв. м.

¹⁵ 1 эш – мера длины в 60 м.; 50 эш – 3 км.

¹⁶ 1 ги – мера длины в 3 м., «тростник»; 5 ги – 15 м.

¹⁷ 1 гур-лугаль – 255 л. (300 сила); 40 гур-лугалей – более 10 тонн.

¹⁸ Репа – просмолённая лодка из тростника, покрытая шкурами.

ный полёт. В какой-то момент Этана очень испугался и взмолился вернуться на землю. Однако желание обрести наследника оказалось сильнее страха, и Этана преодолел испуг, снова взмыл на орле в небо. Вот уже цветущие поля под ними стали напоминать маленький сад, а Нижнее море – корзину, наполненную водой, но Этана больше не боялся, полюбив страх и сделав его своим союзником. Боги услышали молитвы Этаны, и вскоре у него родился долгожданный сын, которого он назвал Балихом.

Когда у Энкида родился наследник, он поручил резчику печатей – бургулу¹⁹ – выбить на новой цилиндрической печати из серебра, служившей ему подтверждением личности и права собственности, этот сюжет с полётом Этаны на орле. Радости зрелого мужчины от появления сына и наследника не было конца. Столь же бесконечной была злоба и ненависть Нинсикиль к Геме-Инше. Мерзавка завладела сердцем Энкида и фактически отобрала у неё мужа. Иннашага всё ещё оставалась рабыней, пока не истечет её срок в три года, определённый судом, однако её сын Балих, рождённый от Энкида, считался свободным гражданином и законным наследником её мужа.

5

Иннашага была не только изумительно хороша собой, но и образована. На протяжении нескольких лет она была храмовой прислужницей и готовилась стать жрицей – ниндигир²⁰, но судьба распорядилась иначе. В рабство она попала за долги отца. Сеншими, как его звали, будучи довольно состоятельным человеком, опрометчиво вложил слишком большую сумму в рискованное предприятие: постройку торговой морской флотилии из нескольких парусных кораблей. Такие корабли обходились значительно дороже вёсельных. Парусники могли ходить, используя силу ветра, и в этом было их огромное преимущество. Они перевозили грузы из Шумера и Аккада в страны Маган (*Оман, возможно – Египет*), Губин (*Оманский залив*), Мелухха (*Западная Индия*) и Тельмун (*Бахрейнские острова в Персидском заливе*). Из Шумера и Аккада Сеншими планировал везти шерсть, зерно, финики, масло, качественные ткани и одежду, а из Магана, Губина, Мелуххи и Тельмуна завозить медь, олово, базальт, слоновую кость, драгоценный сердолик, чёрное и красное дерево, диорит и серебряные руды.

Отец Иннашаги хотел стать купцом – дамгаром²¹, таким же, как один из самых богатых граждан города Ура по имени Эйанацир – его корабли регулярно ходили в Тельмун, где находился самый большой рынок для обмена товаров. Эйанацир закупал медную руду – львиную долю меди он поставлял во дворец Эхурсаг в столице. Из сплава меди и олова в дворцовых плавильнях и мастерских изготавливали бронзовое оружие для воинов царской армии. Малую часть медной руды Эйанацир, с разрешения царя, использовал для своих нужд. Он владел мастерской-плавильней. Медная посуда Эйанацира пользовалась большим спросом. Несколько медных чаш малого размера обходились покупателям в один шекель. Эйанацир был очень богатым человеком. Только в виде налоговых податей (*десятина*) он платил в казну ежегодно более семидесяти талантов²² меди или более семи мин серебра. Про таких в Уре говорили: «*у него в тридцать шекелей одеяние*».

Сеншими завидовал Эйанациру. Он очень рассчитывал, что задуманное предприятие выгорит, он разбогатеет и сможет обеспечить своей умнице дочери достойное наследство и большое будущее в качестве высшей жрицы – лукур²³. Но всемогущие боги не дали испол-

¹⁹ Бургул – резчик печати.

²⁰ Ниндигир – категория женщин-священников.

²¹ Дамгар – купец.

²² 1 талант – мера веса в 30 кг.

²³ Лукур – высшее звание жриц храма.

ниться его намерениям. Они разметали штормовым южным ветром флотилию из пяти кораблей, гружённых медной рудой и сердоликом. Почти все корабли погибли у самых морских границ царства. В порт Ура вернулись лишь два судна. На одном из них спасся и сам Сеншими. Товар, с которым они пришли в гавань, не покрывал всех затрат. Сами корабли вместе с грузом забрали алчные ростовщики, чтобы вернуть с процентами вложенное серебро. У Сеншими начались трудные времена. Убытки поглотили все сбережения, к тому же он опрометчиво взял в долг три мины серебром, заложив дом. Сеншими не смог вовремя вернуть эту огромную сумму. В итоге Энкид с большой скидкой выкупил у ростовщиков долги Сеншими и стал его единственным кредитором.

Сеншими уступил Энкиду практически за бесценок – всего за две мины серебром – свой городской дом у пристани, построенный из кирпича и побелённый снаружи и внутри. Дом построили недавно, во внутреннем дворе не было родовых могил, а потому он мог быть предметом купли-продажи. Однако вырученных денег не хватило, чтобы погасить всю сумму долга, и Сеншими вынуждено, обливаясь слезами, продал Энкиду и свою красавицу дочь. Поклявшись выкупить её свободу, Сеншими нанялся простым моряком на один из кораблей, принадлежащих Эйанациру, и с тех пор дочь не получала от него никаких известий.

– Если он не погиб, то перебрался в одну из дальних стран, – хотелось верить Инше.

Энкид спросил как-то наложницу: «Скажи мне, что ты чувствуешь по отношению к своему отцу, ведь это по его вине ты оказалась в рабстве?»

Она, грустно улыбнувшись, ответила своему хозяину:

«Я по-прежнему люблю его и даже благодарна ему, ведь если бы сложилось иначе, я бы никогда не встретила с тобой, о мой господин!»

Энкидр растрогался в умилении.

6

Нинсикиль, завидуя рабыне, выбрала подходящий момент, когда муж отсутствовал, надолго уехав по приказу царя в дальние земли, и отомстила ей. За непочтительность к госпоже судья – дику²⁴ – определил Геме-Инше промывание солью. Поздним утром за ней пришли царские стражники, один из них зачитал обвинение и решение судьи. Ничего не понимая и тревожась о сыне, оставшемся с кормилицей, Иннашага была вынуждена подчиниться. Сопровождал несчастную женщину к месту наказания старый слепой раб по имени Атаб, приставленный Энкидом помогать ей в доме.

Закон суров, но он – закон. Геме-Инша была публично подвергнута унижительному и мучительному наказанию. Зеваки, наблюдавшие за исполнением приговора, медленно расходились, обсуждая только что происшедшее на их глазах наказание возгордившейся рабыни. Палачи, буднично оmyв руки и собрав нехитрые приспособления, удалились, не жалуя никого из присутствующих своим вниманием. Нинсикиль ушла раньше, чтобы не уронить достоинство перед простолюдинами и зеваками, а возможно, просто испугавшись приближающихся раскатов грома и внезапно потемневшего неба.

Слепой раб с густой белой бородой, заросшими бровями и спутавшимися прядями седых волос приблизился к Геме-Инше. Найдя её наощупь, он накинул на её сгорбленную спину и опустившиеся от рыданий плечи простенькое домотканое покрывало. Он беззвучно плакал вместе с ней пустыми глазницами, по-отечески обняв её. Атаб успокаивал и вытирал ей слезы сухой и заскорузлой ладонью. Всё кончилось. Кончилось, как ей казалось, всё и для неё – свободной и гордой когда-то Иннашаги, а теперь униженной и растоптанной рабыни Геме-Инше.

²⁴ Дику – судья, выносящий решение.

«Только бы выдержать ещё одно лето и ещё одну зиму, и тогда мне вернут свободу, – в отчаянии думала она. – Не может подлая и высокомерная Нинсикиль удерживать меня дольше в рабстве²⁵. Если она нарушит закон, то будет сама наказана за это».

На быстро почерневшем от тяжёлых свинцовых туч небе блеснула короткая и резкая молния, за ней приблизились и прогрехотали во всю силу величественные раскаты грома, и почти сразу начался стремительно набирающий силу обильный весенний ливень.

– О богиня Инанна²⁶, помоги мне справиться с испытаниями, выпавшими на мою долю! Сохрани меня и моего бесценного сына от несправедливости и злого рока! – так заклинала Иннашага полушёпотом свою покровительницу, подставив заплаканное лицо с закрытыми глазами, красивые спутанные волосы и испачканные одежды под мощные струи тёплого благодатного дождя, случавшегося в этих краях не более десяти раз в году.

Ливень закончился так же стремительно, как и начался. Солнечные лучи пробивались сквозь редяющие тучи. Мокрая до нитки рабыня открыла заплаканные глаза и медленно побрела со старым рабом к дому на пристани. Они шли не разбирая дороги по кривым и тесным улочкам густонаселённой части города Ура. Посторонний, случайно увидевший эту пару, наверное, не сразу бы и разобрал, кто из них двоих был поводырём – она или слепой Атаб.

²⁵ Три года – максимальный срок, больше которого гражданин не мог находиться в рабстве.

²⁶ Инанна – богиня любви и войны (Иштар по-аккадски).

II. Царская застава

*Хорошо одетому встоду рады.
Шумерская пословица*

1

До «*Высоких ворот*» столицы оставалось чуть больше одной лиги²⁷. Большая часть пути из Ниппура пройдена. По расчётам Энкида, начав свой последний переход из города Ларсы, он с двумя стражниками, сопровождавшими его, легко мог преодолеть всю дорогу до заката солнца. Энкид родился в Ларсе, как и его отец, и дед, и прадед. Отца звали Абзу. Его с детства готовили к военной службе. Он проявил себя, доблестно сражаясь с грозным врагом шумеров и аккадцев – ордами злобных гутий. Абзу участвовал в пленении царя гутиев Тиригану. Беспощадный враг был навечно изгнан из земель Шумера и Аккада.

За беспримерное мужество и доблесть, проявленные во время войны, царь-освободитель Утухенгаль пожаловал Абзу надел земли и овцеферму вместе с рабами. Ферма с пастбищами располагалась в районе его родного города Ларсы. Правда, Абзу не мог передать землю по наследству. Владельцем надела оставался царь, а земли были в пожизненной аренде, за которую Абзу каждый год оплачивал десятину.

Абзу преуспел, выращивая овец. Ларса вообще славилась бараньим мясом и шерстью. Снабжая царские предприятия и дворец, отец Энкида получал в год больше трёх мин серебром чистого дохода. У него было крепкое хозяйство. Люди называли

его «мина»²⁸. Свой успех Абзу объяснял благосклонностью его бога-покровителя Сумукана (*бог овец и всех диких четвероногих*), сына бога солнца Уту – покровителя города Ларсы. Каждый год Абзу жертвовал десятую часть своих овец главному храму Ларсы – Эбббар (*Белому дому*).

Имя сыну Абзу выбирал сам – Энкид. Оно очень созвучное с именем героя эпоса о легендарном шумерском правителе города Урука царе Гильгамеше. Абзу считался большим поклонником и знатоком древних легенд. Соратника Гильгамеша звали Энкиду, его создала из глины богиня-мать Аруру. На одну треть бог, на треть животное и на треть человек – Энкиду был ловцом-охотником, понимающим язык животных.

Абзу – сам известный охотник, и сына видел удачливым охотником и скотоводом, а главное – продолжателем дела его жизни. Воспитывал он Энкида в суровых условиях, как воина. Изнуряющие физические упражнения, выживание в пустыне, основы рукопашного боя, стрельба из лука и владение мечом – всему этому Энкид научился уже в подростковом возрасте. Ещё восемь лет он учился в эдуббе²⁹, чтобы стать образованным писцом. Все каникулы юноша проводил в Ларсе, закаляясь физически. Вместе с отцом они часто выезжали на охоту.

За несколько дней до смерти Абзу передал приехавшему по его зову Энкиду глиняную таблицу – на ней были записаны пять поколений его рода. После чего он перестал узнавать окружающих и быстро угас.

Энкид помнил день смерти отца, хотя прошло уже почти четыре года. Он стоял возле его ложа, когда тот уже не замечал присутствия сына. Разум покидал стекленеющие глаза Абзу. Энкид присел возле него на колени и попробовал прикоснуться ладонью к его лицу, чтобы погладить, но отец лишь нахмурился и с видимым усилием и хриплым стоном увёл голову.

²⁷ 1 Лига – 10 800 м.

²⁸ Мина – богатый человек.

²⁹ Эдубба – школа-академия.

Абзу было страшно. Он готовился к своему последнему бою. Когда жизнь покинула тело, его лицо разгладилось, освободившись от боли и страха.

Абзу завещал Энкиду честно заработанный им за свою яркую жизнь капитал. Наследство составило очень приличную сумму – восемнадцать мин серебром. После смерти отца его земли вернулись в собственность царя. У Энкида оставалось преимущественное право выкупить хозяйство, продолжить и развивать дело отца, но он уже давно осел в столице и жить в Ларсе не собирался.

Наследство отца позволило Энкиду купить у храма большой участок земли вблизи Ларсы. На нём Энкид построил два одинаковых двухэтажных дома из глиняного кирпича, разбил плодоносный сад и устроил небольшую овцеферму. В одном из домов он поселил Наниш – последнюю жену его отца и свою мачеху. Другой дом он использовал для себя и своих гостей во время редких приездов в родной город. Энкид старался выбираться в Ларсу, чтобы навестить прах отца и поохотиться с друзьями в этих местах, вспоминая истории удачной охоты Абзу.

Вот и в этот раз он оказией побывал в родных местах по пути из Ниппура в столицу. На охоту не было времени, а вот алтарю отца и предков он поклонился первым делом.

2

В безоблачном небе над широкой весенней степью сияло яркое солнце. Преодолев часть пути из Ларсы, ближе к полудню Энкид услышал вдалеке первые, едва различимые раскаты грома. Постепенно усиливался северо-западный ветер, нагоняя тучи, причудливо меняющие свои формы. Они быстро затягивали посеревшее небо. Энкид и его опытные спутники-телохранители поспешили укрыться от неминуемого ливня и бури на последней царской заставе по пути в Ур.

Застава удачно располагалась на развилке двух дорог, ведущих из северных городов Киш и Ниппур в столицу – Ур, и в город Эриду – самый южный город царства. Ближайший к заставе город – Эль-Обейд, но до него было ещё далеко. Застава представляла собой небольшую крепость с гарнизоном из двух десятков воинов. Она предназначалась для остановки и отдыха путников, а также считалась пунктом царской связи. Стражники заставы обеспечивали безопасность передвижения по царским дорогам.

Обычно, ввиду близости города Эль-Обейд и самой столицы, где можно было заночевать на постоялом дворе, на этой заставе путники предпочитали надолго не останавливаться. Они заходили, чтобы поставить печать или оставить отгиск бахромы со своих одежд на глиняной таблице, напоить быков или ослов и перекусить в корчме. На ночлег путники останавливались лишь в самых редких случаях, если их заставала непогода или песчаная буря.

Когда дозорный доложил смотрителю станции о приближении к заставе группы путников с повозкой, тот сам вышел встречать гостей. У начальника гарнизона было, пожалуй, самое распространённое в царстве имя – Аттайа. Смотритель станции причесал волосы и остроколючую короткую бороду, какие обыкновенно носили воины, поправил свои одежды и сандалии, надел шапку из войлока и неторопясь вышел на крепостную площадь.

Он всмотрелся и удивился: один из путников, статный, по виду знатный и богатый человек, очень странно передвигался, зажав между ногами... лошадь. Аттайа прожил немало лет, зимой ему исполнится пятьдесят два года, но ещё никогда он не видел, чтобы «осла гор», как шумеры называли лошадь, можно было так ловко использовать. Повозки и колесницы, запряжённые лошадьми, он видел и не раз. На повозках с четырьмя колёсами, запряжёнными двумя лошадьми и управляемые возницей, передвигались, в сопровождении лучника, военные чины. Они следовали с инспекцией по царским заставам и крепостям. Иногда таким же образом путешествовали важные чиновники из столицы. На повозках с двумя колёсами, более лёгких

и запряжённых одной лошастью, обычно сновали по разным уголкам страны царские гонцы. Они доставляли срочные приказы или донесения военной разведки, запечатанные в специальные конверты из глины. Однако никто из них никогда не путешествовал верхом на лошади.

Аттайя с удивлением наблюдал за приближающимся к заставе путником. Всадник с прямой осанкой быстро передвигался на послушном ему скакуне. На спине высокого, гнедого, с тонкими и сильными ногами коня путник закрепил для удобства приспособление, отдалённо похожее на деревянный стул без ножек, покрытый овечьей шкурой. Он слегка приподнимал ладно скроенное тело в такт движения коня. Лево́й рукой человек держал кожаные поводья, управляя лошастью, свободную правую руку он положил себе на бедро.

«Красиво!» – подумал Аттайя, прищури́в глаза для чёткости и загородившись ладонью от пробивающихся сквозь тучи лучей.

Аттайя разглядел одежду всадника: войлочная шапка-колпак; посеревшая от дорожной пыли, некогда белая туника из тонкой овечьей шерсти – длиной чуть ниже колен, с рукавами, прикрывающими плечи до локтя – ворот туники был отделан вышитым красным кантом, подол украшала богатая пурпурная бахрома; широкий кожаный ремень подчеркивал талию всадника, с левой стороны на поясе виднелся кинжал в ножнах; на ногах всадника высокие, со шнуровкой до колена, сапоги – обычно такую обувь носили горцы, охотники или те, кому предстояли длинные переходы.

«Высокий гость», – подумал Аттайя, обратив внимание на длину и ширину бахромы и на накидку, сшитую из трёх вертикальных полотнищ ткани. Накидка-плащ надета так, чтобы правая рука всадника оставалась свободной. Лишь избранным в царстве позволялось носить такое количество одежд одновременно.

За всадником в некотором отдалении размеренно, но тоже довольно скоро катилась повозка на четырёх сплошных деревянных колёсах, запряжённая с помощью постромков парой крупных муланов – онагров³⁰. Высокая передняя часть повозки почти скрывала возницу. На прочных бортах укреплены колчаны для метания дротиков – явно военная повозка. Сзади закреплён объёмный груз, прикрытый от пыли и перевязанный для надёжности просмоленным тонким тростником. На нём расположился с копьём в руке воин, одетый в боевую накидку и шлем из плотной кожи.

Путник верхом на лошади уже въезжал во двор крепости, пустив коня шагом. Аттайя разглядел загорелое лицо с крупным правильным носом и аккуратно подрезанной чёрной бородой с лёгкой проседью. Карие внимательные глаза словно светились. На ресницах собралась дорожная пыль. Из-под шапки выбивались курчавые волосы, когда-то черные, а сейчас побелённые сединой. Тонкие кисти крепких рук с длинными пальцами и дорогим перстнем с крупным камнем, блеснувшим на левой руке, подчёркивали его благородное происхождение.

Добравшись до внутреннего двора заставы, окруженного финиковыми пальмами, путник легко и ловко спешил и поприветствовал смотрителя станции улыбкой. Он оказался почти на голову выше Аттайи – не меньше трёх с половиной кушей³¹.

Аттайя с достоинством поклонился и поднёс путнику деревянную чашу свежей воды из колодца: её успела принести дочь смотрителя. Глаза-щёлочки Аттайи улыбались, когда он произнёс на шумерском:

– Благодатной тебе дороги и благословение богов! Утоли свою жажду, о путник!

Отпустив поводья коня, Энкид приблизился к нему и двумя руками принял чашу. Его осанка оставалась прямой, улыбка стала мягче. Конь стоял позади него как вкопанный, слегка отфыркиваясь, ожидая команды всадника. Незнакомец неторопливо, широко держа чашу обе-

³⁰ Онагр – дикий осёл, подвид кулана.

³¹ 1 куш – мера длины в 50 см., «локоть».

ими ладонями и подняв локти до уровня плеч, осушил её маленькими глотками, запрокинув голову. Вода оказалась очень вкусной.

– Аттайа, начальник гарнизона, приветствует тебя! – продолжил смотритель станции, приложив руку к сердцу.

– Энкид – сановник царя, – представился незнакомец на шумерском, кивнув ему. Он вернул пустую чашу правой рукой, слегка поддержав её пальцами левой руки. Аттайа принял чашу двумя руками в полупоклоне и передал её дочери.

– Где я могу, уважаемый Аттайа, поставить коня? – спросил царский вельможа.

Аттайа почтительным жестом пригласил его следовать за ним. Энкид отвёл под уздцы послушного жеребца в загон под навес, где было предусмотрено три стойла для лошадей. Там он сначала ослабил сбрую и крепления стула, а потом, подумав некоторое время и вовсе снял деревянную конструкцию со спины коня. Ему помогал конюх – один из стражников заставы. Он сразу оценил коня, прицокивая от восхищения. Овечью шкуру Энкид передал ему для чистки. Аттайа, с разрешения гостя, оставил его, а сам вернулся во двор. Энкид тщательно протёр влажное от пота тело жеребца пучками сухого сена, которое принёс для него конюх. Он тихо разговаривал с Лулу, как он звал своего коня, расхваливая ему на ухо три его важных достоинства, которыми тот обладал: его выносливость, его ум и его верность.

Спутники Энкида тоже добрались до двора крепости и спрыгнули с повозки, разминая затёкшие ноги. Аттайа дал команду одному из воинов определить онагров в конюшню, повозку под навес, а стражам оказать содействие в размещении.

Энкид вышел во двор и велел хозяину крепости: «Накормите моего коня и дайте ему пять мер отборного овса и немного соли. Не забудьте напоить его водой из колодца, которую я сам только что пил».

Аттайа поклонился ему и тут же отдал конюху приказ к исполнению. Энкид с любопытством рассматривал стены крепости и высокие финиковые пальмы, которые обрамляли всю территорию станции и скрывали от прямых солнечных лучей сад с цветущими деревьями.

Тем временем небо почти полностью затянулось свинцовыми тучами. Порывы ветра усилились. В воздухе висело ожидание близкой бури. Аттайа, посмотрев на небо, предложил гостю пройти в его простой двухэтажный дом, сделанный из кирпича-сырца, с плоской крышей и по одному оконцу на каждом этаже и над входом. Низкая входная дверь намертво крепилась на вращающемся плоском камне и поворачивалась вместе с ним. Над головой прогрехотали первые раскаты грома. Хозяин и Энкид едва успели переступить порог дома, как с шумом обрушился обильный весенний дождь. Вслед за ними взбежали, коротко перешучиваясь, замешкавшиеся и успевшие моментально промокнуть спутники-воины, сопровождавшие Энкида.

3

Войдя в дом, Энкид снял накидку и шапку и передал их дочери Аттайи. Смотритель сам почтительно молча и степенно полил Энкиду из ситулы, чтобы тот мог омыть руки и лицо. Он пригласил гостя занять лучшее место на деревянном стуле с высокой спинкой за столом у горящего очага, ярко освещавшего эту часть комнаты. Сам он сел напротив Энкида. За окном шумел дождь.

Аттайа велел жене подать на стол лучшую посуду. Он предложил гостю выпить местного пива. По его словам, его друг пивовар из города Эль-Обейд варил его лучше всех. Секрет пивовара заключался в количестве и качестве добавляемых в сусло фиников, произрастающих только в этой местности. Даже царские пивоварни не могли соперничать с ним по вкусу пива. Аттайа аккуратно налил гостю и себе в медные чаши-кубки. Пожертвовав немного благородного напитка, плеснув на огонь очага, они подняли чаши и выпили за богиню Баба – великую

врачевательницу и покровительницу «черноголовых»³². Так они подчеркнули общую принадлежность к избранному народу, коим себя считали шумеры.

Жена и дочь Аттайи принесли на стол испечённые в специальной глиняной печи, врытой в землю во дворе, вкусно пахнувшие овсяные лепешки грубого помола, свежую зелень, соус из слив в медной плошке продолговатой формы и соль в плошке поменьше. На середину стола поставили глубокую и широкую медную чашу с сушёнными фруктами из сада Аттайи урожая прошлого года. Бока роскошной чаши благородно отполированы временем до блеска.

Устроившись за столом, Аттайя ловко разделил руками лепёшки на кусочки и почтительным жестом пригласил высокого гостя приступить к трапезе. Ели руками, помогая себе ножом. Аттайя достал из ножен выдавший виды, добротный сделанный бронзовый нож. Энкид тоже вытащил из ножен, богато инкрустированных серебром и золотом, нож-кинжал и протёр лезвие с двух сторон о полы одежды. Он положил кинжал справа от себя, направив острие к плоской чаше, стоящей перед ним. Аттайя не смог определить сразу, из какого металла было сделано тёмное, синеватое лезвие кинжала. Ему показалось, что это была не бронза, точно не медь и не серебро. Он был прав. Этот кинжал Энкиду подарил сам царь Шульги-Син, и его подарок был сделан из редкого в те времена железа. Таких кинжалов во всём царстве было всего несколько штук. Выплавил и закалил кинжал умельцы из страны Аратта, славившейся мастерами по обработке металлов. В высоких горах Аншан они нашли небесное тело из чистого железа – подарок богов. Из него они выплавил железо для дара богоподобному Шульги-Сину. Этот кинжал был дороже золота. Аттайя посчитал неприличным спрашивать высокого гостя о кинжале, а Энкид, который не был хвастуном, решил, что говорить самому о редком кинжале было бы нескромно.

Они укладывали на ещё горячие лепёшки сладкий молодой укроп, розмарин, стебли мелкого зеленого лука, сворачивая их, слегка обмакивали в сливовый соус и аккуратно закладывали весь кусочек лепешки в рот, помогая себе большим пальцем. Они медленно и молча пережёвывали пищу, ощущая даже самый отдалённый вкус яства. Вскоре им принесли в глубоких керамических чашах, исходящих паром, главное блюдо корчмы – бульон из утки с внутренностями. Они пили маленькими глотками сытный подсолённый бульон, приправленный кореньями, травами и специями из сада, шумно остужая его, дую на горячее. Каждый рассчитывал так, чтобы часть жидкости осталась на завершение трапезы.

Стражники разместились за другим столом в отдалении. Они ели сытную кашу из ячменя и фиников. Пили крепкую сикеру³³. В беседы они не вступали из почтительности к своему господину и хозяину крепости. Между собой они общались исключительно на аккадском языке, так как шумерского не понимали. Закончив ужин, они лениво отдыхали, приняв удобные позы, а когда ливень уже прекратился, вышли во двор, чтобы проверить повозку и онагров.

4

Насытившись, Энкид и Аттайя беседовали до самых сумерек под потрескивание тлеющих углей пальмового дерева и тростника в очаге. Из слов хозяина Энкид скоро понял, что Аттайя – ветеран, достойно отслуживший в армии. Как и отец Энкида, Аттайя, когда ему исполнилось сорок пять лет, получил от царя не только почётную пенсию в виде назначения на должность начальника крепости, но и земельные наделы неподалёку от заставы в своё пожизненное владение. У него было право выбирать самому, что делать на этой земле – выращивать финиковые деревья и овощи, разводить животных или организовать пруд с рыбой.

³² Санг-нгиг – «черноголовые», шумеры.

³³ Сикера – ячменный хмельной напиток.

Первым делом Аттайа разбил фруктовый сад на территории самой крепости. Уже через три года он стал давать богатый урожай. Как человек предприимчивый, он решил организовать небольшую корчму для путников, которая занимала половину первого этажа его дома. Аттайа верно предположил, что путники, следующие через его заставу, не откажутся перекусить перед последним переходом в столицу и утолить жажду. Корчма приносила ему пусть небольшой, но стабильный доход. В его семейном предприятии работали он сам, его жена и их миловидная дочь.

Что касается земельных наделов, Аттайа не торопил события и долго размышлял, как ему использовать их лучшим образом. В конце концов он решил разводить домашних птиц. Можно было, конечно, разводить и свиней – такую возможность он тоже рассматривал. Стоимость одной выращенной свиньи увеличилась в последнее время до пяти шекелей, к тому же тем, кто разводил свиней, полагался по закону в помощь раб или рабыня.

– Свинья – животное своенравное и долго растёт, – поглаживая свою остроконечную бороду, степенно говорил Аттайа. – К тому же поросёнок ест много зерна, а если держать свиней только на подножном корме, а едят свиньи всё, включая своё дерьмо, то их мясо становится жестким и невкусным.

Энкид был равнодушен к мясу свиньи, он предпочитал баранину. К тому же, вторая жена Инша категорически не ела свинины, а первая жена Нинсикиль предпочитала мясу рыбу.

– В жару мясо свиньи быстро портится, – заметил Энкид. – Не помогает даже обильная соль, как это делают при перевозке рыбы. Ты, конечно, слышал о случаях отравления свининой в походах.

Аттайа покивал утвердительно:

– Поэтому я и выбрал птицу.

Как-то раз один чужеземный купец, который часто проходил через его станцию со своими караванами, рассказал Аттайе о том, что некоторые предприимчивые люди в стране Мелухха стали очень богатыми, разводя неприхотливую и быстро растущую домашнюю птицу – уток и гусей. Зерно для размышлений было брошено. Аттайа умел читать, он провёл много времени в библиотеках Ура, Эль-Обейда и Ларсы в поисках любой полезной информации о птицеводстве. Как человек основательный и неторопливый, он нашёл нужную ему информацию и попросил своего племянника – большого брата³⁴ в эдуббе в городе Эль-Обейд – переписать для него тексты и наставления по теме птицеводства на нескольких отдельных таблицах. Ученики в эдуббе с первых дней обучения копировали разные тексты, простые и сложные, которые им поручали их наставники. Так у Аттайи появились письменные инструкции по уходу за птицей и чертежи сооружений на глиняных таблицах, которые он сам бережно обжёл в печи.

В одно из новолуний Аттайа, обратившись к богу бурь Ишкуру – покровителю военных походов, охоты, земледелия и животноводства – отважно взялся за незнакомое ему дело. Для начала он, следуя всем прочитанным правилам и рекомендациям, устроил на наделе земли птичник. Предварительно всё рассчитав, Аттайа построил несколько хижин, склад для зерна и загоны для птицы. В качестве строительного материала он использовал тростник, смешанный с глиной. Надёжный фундамент сооружений был выложен из кирпича-сырца, его он покупал у производителей кирпича по цене один шекель за шестьдесят штук. Всего строительные материалы обошлись ему в тридцать шекелей.

Кроме этого, Аттайа выкопал запруду для уток, подведя к ней воду по неглубокому каналу. Строители, которых он нанял, сначала хорошенько утрамбовали дно и стены запруды. После этого они обмазали запруду битумом. Стоимость битума с доставкой составила один

³⁴ Большой брат – ассистент профессора.

шекель за девять талантов³⁵. По расчётам Аттайи, ему требовалось девяносто талантов битума, за них он заплатил, поторговавшись, девять шекелей.

На строительстве птичника у него работали клиенты – свободные граждане. С ними он договорился. Бригада из шести человек взялась построить птичник за шестьдесят дней. Если справятся, он заплатит им одну мину серебром. Руководил работами сам Аттайа.

Два осла для работы на ферме обошлись Аттайе в шесть гур-лугалей³⁶ ячменя – около сорока шекелей. Запас овса для птицы стоил ещё двадцать пять шекелей. У купца, который когда-то ему рассказал об этом деле, Аттайа купил три десятка молодых уток с плотным оперением. На это ушло последнее серебро. Часть суммы ему пришлось платить медью и свинцом. Торговец птицей ворчал.

Все расходы потянули на три с лишним мины серебром. В какой-то момент Аттайа израсходовал почти все свободные накопления и его обуял страх, что он не сможет выполнить начатое. В долг можно было взять лишь у алчных ростовщиков, но они запрашивали не меньше трети от суммы займа за короткий срок.

Помышлять о казнокрадстве Аттайа не мог себе позволить. Он дорожил репутацией и хотел оправдать ожидания царя. Обирать проходящие караваны и путников, как это делали, по словам караванщиков, некоторые жадные чиновники на других заставах, для него было неприемлемым. Судьба была благосклонна к Аттайе. Он сумел выдержать сложные времена, лавируя между необходимыми расходами и непредвиденными затратами. Помогла корчма и скромные запросы семьи.

Для работы с птицей Аттайа выбрал двоих самых надёжных из строителей-клиентов. Получив постоянную работу, они стали его иждивенцами. Они работали за крышу над головой, за одежду, за еду и за вознаграждение в виде зерна, кунжутного масла, фиников и пива. Часть от получаемых продуктов они оставляли себе, всё остальное или продавали тут же на станции, или отправляли своим семьям и родственникам, сторговавшись с проходящими караванщиками.

Перед Новым годом³⁷ его работники получали от хозяина дополнительно мясо барана или утки, ткань для одежды, неокрашенную шерсть и финиковое вино. Изредка Аттайа вознаграждал иждивенцев несколькими шекелями серебра, но баловать он их не хотел и избегал допускать между ними распри из-за денег.

Аттайа, даже когда ему было очень тяжело, принципиально не покупал рабов. Три здоровых раба мужского пола обошлись бы ему в тридцать шекелей. Содержание трёх рабов в год вряд ли бы превысило десять шекелей. Выгодно, но дело в том, что рабы в основном попадались из числа военнопленных. За свою долгую службу и многочисленные сражения Аттайа и сам мог бы стать, подобно им, военнопленным и рабом. Слава его богу-покровителю Ишкуру, не допустившему этого! Он оберегал и всегда выручал Аттайю, в последний момент предоставляя ему шанс на спасение.

Птица растёт быстро. Аттайе повезло, а может, он просто всё сделал правильно и начал в благоприятное время, но утки не болели, а молодняк быстро набирал вес. Одна утка высиживала в течение месяца до полутора десятков утят. Уже через шесть месяцев поголовье птицы превысило две сотни. За счёт продажи первых излишков яиц и мяса утки в ближайшем городе Эль-Обейд, в доме у Аттайи появилась медь, а потом и серебро. Ещё через год Аттайа начал поставлять яйца и тушки утки в Ларсу – более крупный город. Недавно царские агенты специально приезжали из Ура и предложили ему снабжать дворец в столице. Они готовы регулярно

³⁵ 1 талант – мера веса в 30 кг.

³⁶ 1 гур-лугаль – 255 л. (300 сила).

³⁷ Новый год всегда 21 марта – в день весеннего равноденствия.

платить оптовую цену. Аттайа пока ещё не принял решение, так как предлагаемая цена была чуть ниже обычной.

Теперь он подумывал о расширении дела и найме ещё одного иждивенца. Он хотел купить гусей, но пока всё ещё не сторговался по цене с купцом, который привёз первую птицу. Купец хотел за пару молодых гусей три шекеля. Учитывая, что одна взрослая коза или овца стоила два шекеля, выходило дорого. Аттайа настаивал на цене один гусь с плотным оперением за один шекель – но внутренне был готов согласиться на условия купца. Он не торопился. Прежде ему было нужно построить для гусей отдельный загон, а это снова затраты, впрочем, теперь он мог себе это позволить.

5

Медленно проходил разговор между двумя «черноголовыми». Их речь текла, подобно водам Идиглата (*река Тигр*) и Буранун (*река Евфрат*), разливающимся в долине во время весеннего половодья. Потягивая через соломинку сладкое пиво, они говорили о предстоящем празднике Нового года – до его начала оставалось пятнадцать дней. Аттайа интересовался, правдивы ли слухи о прирученных по поручению царя Шульги медведях. Он слышал, медведи с некоторых пор охраняли «Высокие ворота», удивляя и пугая путников, входящих в город Ур. Энкид об этом ничего не знал.

Слегка опьянев, раскрасневшийся Аттайа, укоризненно качая головой, горестно возмущался, рассказывая Энкиду, как одни бедные люди, погрязшие в долгах, продавали за бесценок своих детей в рабство. В последний раз, когда он был в Эль-Обейде, сам слышал на торговой площади цену за одного ребёнка – пятая часть гура или чуть более одного шекеля. Аттайа поздно женился и боги не дали ему сына, поэтому он подумывал купить и усыновить ребёнка. Он бы вырастил его настоящим мужчиной и наследником, а тот бы оказал ему должные почести после его смерти. Правда, с Энкидом он этими мыслями не поделился.

Плавно собеседники перешли к главной теме, интересовавшей Аттайю – верховой езде. Энкид рассказал о горцах с северной границы царства, владеющих этим умением. Как человек военный, Аттайа быстро оценил преимущества верховой езды, но при этом понял, что сам он уже вряд ли решится оседлать коня из-за своего погрузневшего тела и мучивших его в последнее время болей в суставах.

– Если всегда таскать на себе такой груз, лошадь может и обессилеть, – он с усмешкой похлопал себя по животу.

Энкид выпил три чаши пива и легонько накрыл свою чашу ладонью, показав, что он больше пить не будет. Хозяин с пониманием отнёсся к желанию гостя, но себе продолжал подливать любимого напитка. Пьянея, Аттайа становился всё разговорчивей. С ностальгией по богатой на военные походы молодости он начал вспоминать времена правления царя Ур-Намму – отца нынешнего богоподобного царя Шульги. При Ур-Намму Аттайа совсем ещё молодым парнем начал свою службу в армии в качестве простого лучника.

Аттайа слегка выпучил глаза и заговорил быстрее.

– Большинство своих шрамов я получил в то время. Мы были молодыми и бесшабашными. Мы не боялись смерти. Все солдаты боготворили Великого Ур-Намму. Я тоже видел его несколько раз, правда, издалека. Погиб он доблестно, но глупо. Царь был оставлен на поле боя своей же свитой, подобно разбитому кувшину, – горестно подытожил ставший красным от тепла очага и выпитого пива Аттайа. Он поджал губы, помолчав.

– Сын великого Ур-Намму, богоподобный Шульги-Син, укрепил дело отца. В первые годы правления царь Шульги занимался мирными делами и укреплял свою власть внутри царства. При нём во всём Шумере и Аккаде наступили времена тучных коров и богатых урожаев. Для нас, военных, время было спокойное и сытное. Я даже успел жениться, и жена родила мне

дочь, – при упоминании дочери в его повлажневших на мгновение глазах появилась несвойственная воину нежность. Аттайа опустил взгляд, смахнул со стола перед собой невидимые крошки, грузно поднялся, опираясь двумя руками, подошёл, слегка хромя, к очагу и сосредоточенно разровнял горящие угли.

Вернувшись за стол, он рассказал гостю, как при новом царе принял участие лишь в одном военном походе в соседнее государство Элам. Поход продлился для него полгода и закончился ранением в левое бедро. Прослужив верой и правдой более четверти века в армии, Аттайа был отправлен в почётную отставку. Все воины в царстве, особенно ветераны, были преданы царю Шульги-Син. Царь щедро одаривал воинов земельными наделами в различных уголках царства, получая от них взамен пожизненную лояльность. Не забыл царь Шульги и об Аттайе. Ветеран был очень благодарен царю за это. Теперь он регулярно возливал воду и приносил подношения и дары статуе божественного Шульги-Сина в храме в городе Эль-Обейд. Он считал Шульги-Сина таким же покровителем его семьи и клана, как и бога грозы и сильных ветров Ишкура.

6

Разгулявшаяся стихия успокоилась, тучи рассеялись. Хотя еще не стемнело, Энкид, разморённый трапезой, степенными разговорами и теплом очага, окончательно решил заночевать здесь, а утром отдохнувшим продолжить свой путь в столицу. Уже начало смеркаться, когда Энкид поднялся по внешней лестнице на второй этаж дома, чтобы осмотреть комнату, предложенную хозяином для ночлега. Узкая коморка с по-солдатски простой обстановкой и жёсткими циновками на полу. Ночёвка на заставе не была чем-то диковинным для Энкида. Его всё устроило.

На небе появилась вечерняя звезда³⁸, когда Энкид вышел проверить коня. К тому времени Лулу накормили овсом и напоили чистой водой. Энкид поделился с прядущим ушами конём куском овсяной лепёшки. Погладив его по массивной шее и энергично расчесав пятернёй роскошную гриву, он пошёл проверить, пока ещё окончательно не стемнело, повозку под навесом и караул, приставленный Аттайей.

Немолодой солдат, охраняющий повозку, поприветствовал царского сановника, хлопнув коротким копьём по круглому щиту, закреплённому у него на левой руке. Приостановившись, Энкид рассмотрел его лицо с морщинами на лбу, белой, коротко подстриженной бородой, крупным мясистым носом, с большим шрамом над левой бровью, цепким взглядом и испорченными зубами. Стражник был сух, но жилист. Он поприветствовал Энкида на шумерском:

– Селим хемем!

Сановник благосклонно кивнул ветерану, отметив про себя, что солдат, хотя и был в войлочном подшлемнике, почти скрывавшим его курчавые белые волосы, тоже выглядел как «черноголовый». Особенно выдавал его крупный нос. К тому же, приветствие «Селим» использовали шумеры, а не аккадцы. Энкид обратился к нему на шумерском, попросив зажечь факел. Солдат его сразу понял, отставил щит и оружие в сторону, чтобы они были под рукой, достал из кисета кремень и начал выбивать искру, чтобы поджечь просмолённый фитиль и заранее подготовленную сухую солому, а от неё уже и факел.

Пока караульный занимался розжигом огня, Энкид спросил, где тот служил. Оказалось, стражник был соратником Аттайи, хотя и моложе его. Вместе с Аттайей они побывали в боевом походе в Элам. Его родным языком был шумерский. Стражник зажёл и передал просмолённый битумом факел столичному гостю. Энкид прошёл под навес и стал осматривать повозку, подсвечивая себе. В ней было два громоздких сундука из дерева, покрытых кошмой. Обычно

³⁸ Вечерняя и утренняя звезда – Венера.

солдаты использовали кошму во время боя как бурку для защиты от стрел. Углы сундуков для прочности были окованы бронзовыми пластинами. Оба сундука опечатаны личной печатью Энкида.

В сундуке поменьше находились вещи, необходимые в путешествии. На дне сундука в большом кожаном кисете лежал нетронутый запас денег – сорок пять шекелей, по числу его лет. Там же, в небольшом деревянном ларце стояли керамичные маленькие сосуды с благовониями, дорогими смолами, настоями, мазями из целебных трав на все случаи жизни – их подобрала Нинсикиль. Для омовений – глубокая медная чаша, в ней немного растёртой золы, мыльный корень и остро отточенная бронзовая бритва, которой он сам или брадобрей подравнивал бороду. Всё это было прикрыто аккуратно сложенной сменной одеждой: парадной белой туникой с красным узором в районе ворота и обычной туникой песочного цвета. Из амуниции имелись войлочный подшлемник, медный шлем и медная бляха для крепления бурки, их носили лишь избранные царские воины. Сандалии из жёлтой кожи, завёрнутые в запасную подкладку из войлока для седла, и две шерстяные набедренные повязки покрывали амуницию. Сразу под крышкой лежала подготовленная для записей глиняная таблица, завёрнутая в слегка влажную ткань. Под тканью в кожаном футляре он хранил два стило³⁹ для письма на таблицах.

Энкид взял факел в левую руку, отбросил кошму, ослабил и развязал узел тонкого просмоленного тростника. Он подсветил себе факелом и проверил печать на сундуке поменьше. Она была целой, сундук не вскрывали. Энкид нарушил печать, поднял крышку и достал наощупь набедренную повязку из тонкой шерсти. Он сунул повязку себе под мышку и плотно прикрыл крышку. Опечатывать сундук не стал, так как это заняло бы некоторое время, тем более груз был под охраной опытного караульного.

Во втором сундуке, значительно большем по размеру, была собрана работа трёх последних месяцев – отчёт об инспекции строительства одного из многочисленных оросительных каналов, опоясывающих земли царства. Строительство велось в районе Ниппура – родного города Нинсикиль. Основную часть сундука занимали аккуратно разложенные в определённом порядке глиняные таблицы. Серебро и золото в виде полуколец и брусков разного веса, выданные царским казначеем перед путешествием, были потрачены Энкидом на нужды строительства. Их место заняли глиняные таблицы с отчётностью.

Энкид учёл всех работающих на строительстве: рабов, надсмотрщиков, охранников, иждивенцев, царских служащих. Все они получали питание и вознаграждение в зависимости от своего положения и статуса. Некоторые из таблиц были обожжены, другие, более хрупкие, пока ещё просто высушены на солнце. В отдельных таблицах, обожжённых в печах, были зафиксированы подробные расходы за три месяца. По прибытию во дворец Эхурсаг, резиденцию царя Шульги, Энкиду предстояло обобщить все записи и подготовить несколько итоговых таблиц. Всю работу надо завершить ещё в этом году, чтобы не переносить неоконченные дела в год новый.

На самом дне сундука, обёрнутые в белую ткань, лежали искусно выточенные из словеной кости статуэтки двух богинь – Нишану (*покровительница законов, справедливости, правды, милосердия*) и Нибалу (*покровительница письма и отчётности*). Статуэтки ему подали в знак признательности, незадолго до отъезда. Тонкая работа – очень красивые, очень дорогие и очень редкие. Энкид сначала отказывался от такого подарка, но потом согласился, увидев в этом знак: светлокожая Нинсикиль напомнила ему богиню Нишану, а вторая жена, смуглая Инша, напомнила богиню Нибалу.

Печать на большом сундуке также не была нарушена. Стражи, сопровождавшие его, несли службу как следует. Энкид вышел из-под навеса и вернул факел караульному. Опытный

³⁹ Стило – острый предмет для письма.

воин вытянулся перед ним, но без излишнего рвения. Энкид пожелал ему спокойной ночи и не торопясь направился в сторону дома.

7

Пока он медленно брёл через сад, наслаждаясь ароматом цветущих деревьев, его мысли перенеслись в Ур, и он представил себе завтрашний день. Первым делом он поедет в канцелярию дворца и сдаст сундук с отчётностью под охрану. Потом он отправит стражников с багажом и поклажей в дом к Инше. Отпустив стражников, сходит в бани, встретится с несколькими друзьями. От них узнает все новости во дворце. Он уладит все дела и к закату солнца, оставив Лулу в царских конюшнях, пешком пойдёт через финиковую рощу и дальше по городским улицам в дом на пристани, чтобы обнять любимую жену и сына. Он уже так соскучился. Энкид потрогал место за кожаным поясом, где у него был спрятан подарок для Инши – браслет из серебра в форме мудрой змеи. С мыслями о ней и сыне Энкид вернулся к дому. Он поднялся по внешней лестнице на второй этаж. Из комнаты раздавался раскатистый храп стражников. Энкид прислушался и не стал заходить. Ему расхотелось засыпать в одной комнате с ними. Он спустился вниз и вошёл в дом.

Захмелевший Аттайа сидел на стуле перед очагом, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Он дремал. Сон его был по-военному чутким. Услышав, как скрипнул камень при повороте двери, Аттайа встрепенулся и довольно резво, несмотря на грузность, поднялся и встал перед Энкидом, протирая глаза. Энкид спросил, может ли он заночевать на свежем воздухе на крыше дома. Хозяин несколько охрипшим со сна голосом, стараясь казаться совершенно трезвым, позвал дочь из женской половины. Ей он поручил вынести гостю на крышу циновку, покрывало и обязательно подушку, набитую пухом птицы.

Пока она готовила ложе для Энкида, Аттайа поблагодарил гостя за то, что он посетил его заставу.

– Многоуважаемый Энкид, для меня честь познакомиться с тобой.

Энкид слегка склонил голову и улыбался ему, благосклонно слушая.

– Своей манерой держаться, ловкостью, образованием и умом, – продолжал Аттайа, – ты очень похож только на одного высокого гостя, которого видели стены этой крепости. Я имею в виду почитаемого мной шагина⁴⁰, могучего воина Арадму – аккадца, командующего царской армией и флотом. Шагин Арадму, что помнит воинов по имени, – добавил он.

Аттайа осторожно без фамильярности положил руку на предплечье Энкида.

– Пусть боги направляют тебя по верному пути, мой высокопоставленный младший брат!

Энкиду было лестно слышать добрые слова сородича. После приятного вечера и сытного ужина на душе у него было хорошо и спокойно. Прикоснувшись к предплечью ветерана и слегка сжав его, Энкид искренне поблагодарил Аттайю за его гостеприимство.

– Оставайся долгие годы здоровым и полным сил, Аттайа.

Считая про себя ступеньки внешней узкой лестницы, ведущей на крышу дома, Энкид легко и пружинисто поднялся наверх. Тесных ступенек оказалось восемнадцать, по девять ступеней на каждый уровень. Чистая просмолённая поверхность крыши высохла после дождя и блестела в свете луны. Дочь Аттайи подготовила ложе для него. Она, сложив перед собой миниатюрные ладошки, гибко поклонилась ему, пожелала спокойной ночи и упорхнула в свою часть дома.

Энкид разулся, скинул одежды, оставив на себе только магический красный шнурок, опоясывающий талию. Он хорошенько вытряхнул тунику и стал устраиваться. Непривычно высокая и мягкая подушка показалась неудобной. Лёжа на спине – левая ладонь под головой, правая ладонь на животе – он придумал подложить слишком мягкую подушку под колени. Стало

⁴⁰ Шагин – высший военный чин.

гораздо удобнее. Покрывалом он прикрылся до груди. Какое-то время Энкид наслаждался чистым после дождя и прозрачным, как слеза, небом. Над ним опрокинулась бездонная чёрная чаша, полная ярко мерцающих звёзд.

Любовался небом Энкид недолго: в какой-то момент глаза его сомкнулись, и он тут же провалился в крепкий и здоровый сон без сновидений. Большой круглый шар Луны, поднявшийся над небосклоном, освещал границы царства холодным и мерцающим светом.

III. Нинсикиль

*Увернулся от дикого быка, натолкнулся на дикую корову.
Шумерская пословица*

1

Покинув двор суда, Нинсикиль в сопровождении слуги-раба быстрым шагом направилась в сторону центра столицы. Тесные улочки в этой части города едва могли пропустить одного вьючного осла, но не повозку богатой горожанки – её Нинсикиль была вынуждена оставить вместе с возницей на торговой площади. Весь путь до здания городского суда она проделала пешком. Петляющие улочки не шире одного ги⁴¹, иногда они сужались настолько, что встречные пешеходы едва могли разминуться. Её слуга периодически оглашал улицу криками: «Посторонись! Дорогу жене мины!»

На полпути Нинсикиль застал сильный ливень. Она боялась, что дождь намочит и испортит её роскошную красную тунику, а главное – дорогое, сделанное из тонкой козьей шерсти белое плащ-покрывало с бахромой. Она гордилась своим нарядом. Такое покрывало могла себе позволить только знатная и богатая женщина. Накидка закрывала её от плеч до земли. Но хлынул ливень, и Нинсикиль, судорожно приподняв подол дорогой туники и подхватив концы покрывала, поторопилась укрыться под тростниковым навесом какого-то хлева для овец, прилегающего к улице. Она всегда радовалась дождю, только не в этот раз.

Весенний ливень был обильным и скоротечным. Он смыл нечистоты, ручьями истекающие из дренажных керамических труб прямо на улицу. Немощённые дороги этой части Ура напоминали вонючую сточную канаву. Обычно отбросы и мусор высыхали и испарялись сами. Палящее солнце и птицы днём, а собаки по ночам чистили улицы. Редкой выделки кожаные сандалии и ступни ног Нинсикиль по щиколотку утонули в вонючей жиже. Подол её роскошной длинной туники и бахрома накидки замарались. Её одежда стала мокрой и неприятно тяжёлой.

Босой раб, одетый только в набедренную повязку, казалось, не замечал потоков грязи и трусил впереди неё, чапая по лужам с высоко поднятой над головой глиняной таблицей с её личной печатью. Нинсикиль, сохраняя, насколько возможно, достойный и гордый вид, сама шлёпала по грязным улочкам, закипая злостью и досадой. Казалось, боги грубо насмеялись над её именем «Нинсикиль», которое переводилось буквально как «чистая госпожа». Она чувствовала сама, как от неё неприятно разило смесью городских нечистот. Успевшая намочнуть накидка неприятно давила на плечи.

Выйдя наконец на широкую улицу, мощённую глиняными, закалёнными в царских мастерских кирпичами, Нинсикиль обрадовалась, почувствовав под ногами ровную дорогу. Хозяева лавочек и мастерских приводили в порядок свои лотки и палатки. Добравшись до публичной площади, Нинсикиль не увидела свою повозку. Ливень разметал товары продавцов и залил грязью, смешанной с мусором, всё вокруг. Торговцы и ремесленники, пекари и продавцы пива выметали грязь жесткими вениками из терновника и чистили свои владения. Её слуга куда-то исчез. Она даже не успела по-настоящему прогневаться, когда уже через несколько минут раб вернулся, приведя с собой возницу и повозку.

Осыпая головы несчастных слуг проклятиями – больше для приличия, так как она сразу отметила, что повозка сохранилась сухой – Нинсикиль привычно расположилась на деревянной скамье из красного дерева позади возницы. Эта четырёхколёсная повозка из редкого в цар-

⁴¹ Ги – мера длины в 3 м. «тростник».

стве дерева отличалась лёгкостью и богатой отделкой. Мастера-плотники из Ниппура работали над её изготовлением больше года. Повозку отделали вычурными медными и серебряными украшениями, и теперь она стоила целое состояние. Горячий вороной жеребец, сдерживаемый возницей, нетерпеливо перебирал копытами, готовый понести свою хозяйку в её дом на канале.

Во всём царстве лошадь всё ещё считалась диковинкой и стоила как три быка или пять ослов. Только очень богатые и знатные люди могли позволить себе содержать лошадь. Поэтому состоятельные люди чаще передвигались на ослах, онаграх, мулах или быках, запряжённых в тяжёлые и громоздкие возки.

Нинсикиль отдала короткую команду мускулисту вознице в набедренной повязке и откинулась на спинку сидения. Слуга, расчищающий дорогу госпоже, затрусил впереди повозки. Омытая дождём мощеная дорога вела от нижних ступеней зиккурата⁴², возвышавшегося над всем городом, до городских ворот под названием «Высокие ворота». Дорога была построена специально для священных процессий и царских выездов. Устало прикрыв глаза, Нинсикиль попыталась ещё раз насладиться наказанием своей ненавистной соперницы. Её тщеславие было удовлетворено, но душа всё ещё находилась в смятении.

«А ведь мне даже стало жалко её в какой-то момент, – неожиданно для себя подумала Нинсикиль. – Хорошо, что я не поддаюсь минутной слабости и искушению остановить наказание этой мерзавки. Это было бы проявлением слабости, недостойной меня – Нинсикиль, дочери Акалы из священного города Ниппур».

Другое, о чём она подумала: слишком откровенный взгляд машкима, замеченный ею как раз во время наказания рабыни. Он понял, что замечен, но не смутился и не отвёл глаз, пожиривших и откровенно раздевавших Нинсикиль. Скорее чуть смутилась она, ощутив неприкрытое вожделение и обожание во взгляде молодого, стройного и крепкого мужчины.

2

Не доезжая до городских ворот, повозка неожиданно резко остановилась, вернув Нинсикиль к реальности. Она была готова обрушиться с упреками на бледного и дрожащего слугу, бежавшего впереди повозки и расчищавшего дорогу. Тот беспомощно склонился перед ней, доставая ладонями колен, потом прижал сложенные вместе ладони к своему лбу, не поднимая голову. Пытаясь совладать с гневом – негоже ей так раздражаться, это граничит с неприличием – Нинсикиль с досадой взглянула на возницу. Увидев, как тот грубо натянул поводья, портя коню губы, она была готова прибить его.

– Осёл! – успела выкрикнуть Нинсикиль, когда увидела подходящего к ним очень быстрым и размашистым шагом царского стражника.

Широкоплечий коренастый стражник со щитом и коротким копьём наперевес преградил им дорогу. Запрещающим жестом поднятой вверх правой руки, защищённой кожаным локотником, он приказал им расчистить путь и встать на обочину дороги. В широкой со складками юбке – такую носят кочевники из племени маргу – с могучим торсом, перевязанным крестнакрест кожаной лентой, скрепленной посередине большой медной бляхой с царской печатью; на голове – блестящий медный шлем; на сильных ногах – высокие сандалии со шнуровкой; на поясе – бронзовый топорик и кинжал – стражник излучал силу и решимость.

«Наёмник-аморей», – Нинсикиль поморщилась.

Грозный воин держался непоколебимо. В его холодном взгляде исподлобья было столько превосходства и равнодушия, что Нинсикиль сдержала себя и не стала выплескивать мгновенную злость и раздражение. Она, приняв надменный вид, приказала слуге предъявить страж-

⁴² Зиккурат – многоступенчатое высокое культовое сооружение в виде пирамиды; от слова «заккару» – «строить высоко».

нику печать. Стражник не удостоил даже мимолетным вниманием ни саму госпожу, ни её печать. Он тщательно осматривал и держал под контролем целую улицу. Нинсикиль прикусила язык и изобразила подобие улыбки, больше напоминающей гримасу:

– Чего ты хочешь? – сначала по-шумерски, а потом и по-аккадски спросила она.

Мерзкая собака, тупой бык и вечный раб – так мысленно нарекла его Нинсикиль – молчал, игнорируя её вопрос и прислушиваясь к чему-то.

«Может быть, он немой», – подумала Нинсикиль, но услышала отдалённые звуки музыки, доносящиеся со стороны зиккурата и царского дворца.

Они встретились глазами со стражником, и тот, не меняя выражение лица, коротко и строго произнес всего одно слово:

«Абисимти».

Так звали энергичную жену царя Шумера и Аккада, семитку по происхождению. Имя самой влиятельной после верховной жрицы женщины в государстве, а скорее всего, даже более влиятельной, моментально погасило пыл негодования Нинсикиль. Внезапно неконтролируемое волнение и даже страх, такой, от которого внезапно спирает дыхание и бледнеет лицо, овладела Нинсикиль. Левое веко начало подёргиваться. Почувствовав короткое удушье на вздохе, она непроизвольно икнула. Ей показалось, что в глазах стражника промелькнула усмешка.

Нинсикиль ещё не встречалась лично с женой богоподобного царя и не была ей представлена. Она видела царицу несколько раз в храме на праздничных церемониях. Сначала издалека, со спины, потом, по мере роста карьеры её мужа, все ближе и ближе. Конечно же, она слышала о крутом и вздорном нраве Абисимти. Жена царя обладала уникальным даром собирать вокруг себя талантливых и одарённых людей, которых она могла возвысить до небес. Но, ради одной своей прихоти царица могла и уничтожить любого, кто попадёт к ней в немилость, низвергнув несчастную жертву ещё при жизни в нижний мир демона Нергала.

Нинсикиль интуитивно боялась и избегала личного знакомства с этой царски влиятельной, но капризной особой. В сущности, она оставалась провинциалкой. Её воспитали в лучших шумерских патриархальных традициях. Ниппур – город, где она родилась и выросла, был храмовой столицей, но при этом оставался провинцией. Столица Ур, в котором она стала жить после замужества, за десять лет так и не стал родным. Возможно, комплекс провинциалки мешал ей обзавестись нужными связями и знакомствами. Все считали её заносчивой гордячкой.

В какой-то момент она отказалась от шумной и бурлящей событиями жизни и предпочла вести тихую размеренную и спокойную жизнь в своём доме за городом. Дом – её укрытие, её уютная драгоценная раковина. Однако где-то глубоко в душе она всё же мечтала завоевать столицу и стать одной из блистательных дам высшего общества. Нинсикиль активно ждала этого момента, много читая и занимаясь самообразованием и развитием.

Звуки приближающейся музыки становились всё громче. Кроме ударов пукку⁴³ уже можно было различить мелодию камышовых дудочек, отрывистые звуки медных труб и звон тамбурина⁴⁴. Вскоре появился эскорт Абисимти, состоящий из нескольких богатых повозок и колесниц, запряжённых исключительно лошадьми. Процессия направлялась к «Высоким воротам» города. Царица сама правила роскошной повозкой с золотой отделкой, запряжённой парой белоснежных коней. Позади неё расположились два стражника в остроконечных медных шлемах из личной царской охраны. Один из них был вооружён боевым луком с колчаном стрел, другой, с копьём, держал в руках большой щит, предназначенный в нужный момент для

⁴³ Пукку – барабан.

⁴⁴ Тамбурин – предшественник бубна.

защиты царицы от нападения. Для мягкости хода четыре колеса царской повозки были обиты кожей.

Услышав звуки музыки, горожане, уставшие от зимы и в ожидании скорого празднования Нового года, оставили свои дела и высыпали на улицу. Повозка медленно и торжественно двигалась под восторженный шум толпы, обступившей дорогу. Царица предстала перед подданными в зелёных длинных парадных одеждах из льна, расшитых золотыми и серебряными нитями. Тончайшая ткань облегла её стройное тело, подчеркивая статную грудь, тонкую талию и округлые бёдра. На её плечи была наброшена лёгкая полотняная накидка золотисто-жёлтого цвета. Её шею украшали дорогие бусы из сердолика. Голову Абисимти обрамляла мягкая кожаная лента светло-коричневого цвета, расшитая золотыми фигурками животных и растений, она оборачивалась в виде тюрбана, скреплённого элегантной брошью посередине. В ушах царицы блестели дорогие серьги в виде гроздьев винограда. На запястьях и лодыжках Абисимти красовались изящные серебряные и золотые браслеты тонкой работы. На ногах – элегантные сандалии из мягкой кожи телёнка со шнуровкой. Царица слыла красавицей – глаза с искринкой, белозубая улыбка и сросшиеся брови в виде «ласточкиных крыльев», очень модные в Уре.

Царица периодически приветствовала любопытную толпу, поднимая вверх холёную открытую ладонь с татуировкой в виде широко открытого глаза на фоне пирамиды зиккурата, вызывая у граждан города одобрительные и восхищённые возгласы.

Процессия приблизилась и чинно миновала Нинсикиль. Жена царя удостоила своим вниманием сначала её грациозную лошадь, её повозку, а потом скользнула взглядом и по ней самой. Нинсикиль в ответ, приложив руки к внутренней части бёдер ближе к коленям, склонила голову в низком поклоне. Через некоторое мгновение Нинсикиль распрямилась и снова посмотрела на проходящий мимо неё кортеж. Она узнала главного царского поэта и музыканта по имени Илибани – красивого и стройного мужчину средних лет, вальяжно восседавшего с лирой на коленях на одной из колесниц. Он слыл очень влиятельным человеком во дворце, близким к царю, ему покровительствовала сама Абисимти. Царский поэт и музыкант казался задумчивым и никого не замечал.

С ним Нинсикиль познакомилась, благодаря мужу. Илибани когда-то давно учился вместе с Энкидом в одной эдуббе, их связывала давняя дружба. Муж пригласил его в загородный дом на канале Инун. Нинсикиль улыбнулась, вспомнив, как шумно и бурно, словно мальчишки, друзья веселились, перебирая истории прошлых дней, громко смеясь над только им понятными шутками. Они прикончили тогда огромный, на несколько сил кувшин вина, обильно смешав его в конце с пивом. Нинсикиль никогда не видела своего мужа таким пьяным и смешным. Оба жутко болели на следующее утро, а Илибани ещё и чувствовал угрызения совести, витиевато и галантно извиняясь перед ней за своё вчерашнее состояние.

Нинсикиль ещё довольно долго просидела в повозке, пропуская эскорт жены царя. Устав от тупого ожидания, она злилась и бормотала едва слышно грубые проклятья, но так, чтобы они не достигли поломанных ушей стражника. Она раздражалась от усталости, унижения и неприятного запаха одежд. Лишь когда музыка почти стихла за городскими стенами, стражник, которого она к тому времени возненавидела, коротким жестом копья позволил ей продолжить движение. Сам он размашисто, уверенно и несколько косолапо ушёл в караульное помещение поблизости.

Покинув защитную стену города, «высокую, как сверкающая гора», Нинсикиль увидела, как кортеж Абисимти, едва заметный издали, направлялся на юго-запад от столицы в сторону города Эриду. Этот город находился в двух лигах⁴⁵ от Ура. Очевидно, Абисимти и её

⁴⁵ 1 лига – 10 800 м.

сопровождающие направлялись в самый древний город царства, чтобы посетить в Эриду храм, посвящённый одному из верховных богов – Энки, богу мудрости, моря и свежей воды.

Колесница Нинсикиль резво направилась по моментально высохшей после дождя жёлтой, вымощенной кирпичом дороге на северо-восток. Её путь лежал к прилегающему небольшому поселению рядом с каналом Инун, где находился её богатый дом. Слуга, расчищавший ей путь в городе, остался далеко позади.

3

Обширным хозяйством Энкида и Нинсикиль управлял образованный и исполнительный молодой человек по имени Туте. Маленького роста, толстенький, доброго нрава управляющий встретил повозку госпожи, вовремя отдав приказ привратнику открыть въездные ворота. Лошадь хозяйки, не замедляя ход, буквально внеслась во двор. Туте подоспел к разгорячённому коню, взяв пухленькими ручками под уздцы, и начал что-то говорить, успокаивая и протирая ладонью его взмыленную шею. Он сдержанно поклонился Нинсикиль, когда она, слегка приподняв свою длинную тунику, легко спрыгнула с повозки. Туте выказывал должное почтение жене хозяина, но подчинялся он напрямую лишь своему господину, и слово Энкида было для него законом.

Энкид и его супруга имели в собственности земельный надел, приобретённый у нескольких семей общинников, со временем супруги укрупнили его. Размер надела составлял пять буров⁴⁶. Ещё три бура царь пожаловал Энкиду в пожизненное пользование. По границам надела протекал протяжённый тесный канал, он опоясывал земли Энкида и Нинсикиль и снабжал в достатке водой их владения.

В семейную собственность входили поля, засаженные овсом, горохом, эмером, кунжутом, финиковая роща, фруктовый и овощной сады, пруд, богатый рыбой, овцеферма, стойбище с крупнорогатым скотом, конюшня с пятью ослами и двумя лошадьми. Кроме собственных земель супруги арендовали пастбища для выпаса скота, принадлежащие царю. Оплата за использование пастбищ была справедливой – десятина в год.

Управляющий Туте вёл строгий учёт и контролировал ведение дел в имении Энкида и Нинсикиль. Он распределял работу и раздавал задачи рабам и свободным работникам – иждивенцам – число их приближалось к шестидесяти. Его стараниями хозяйство процветало и давало богатый урожай и приплод. Энкид не реже шести раз в год проверял отчётность на глиняных таблицах, заполненных управляющим, и часто сам с контролем объезжал свои владения.

Нинсикиль, казалось, не заметила Туте и даже не удосужилась ответить на его приветствие. Она лишь крикливо и категорично распорядилась конюху:

– Вычистить, накормить, напоить в меру, дать кристаллы соли.

Не задерживаясь во дворе, она поторопилась пройти в дом – просторный, кирпичный, белённый снаружи и внутри, с полами, покрытыми белым гипсом, что могли себе позволить лишь избранные. Она любила этот дом, ограждённый густым вьющимся кустарником сурбату, плотно скрывающим жизнь обитателей от любопытных взглядов и дающим тень в жару. На втором этаже, во встроеной массивной деревянной галерее располагались покои госпожи.

Нинсикиль вошла в просторные сени. Она поймала себя на мысли, что теперь совсем не радовалась наказанию непокорной рабыни и соперницы. Нинсикиль скорее переживала личное унижение, испытанное по пути домой, до сих пор у неё всё клокотало внутри. Кровь прилила к лицу. Даже прохладные стены дома не смогли остудить её злости. Больше всего Нинсикиль раздражало, что она непроизвольно икнула при этом самодовольном и криволапом стражнике.

⁴⁶ 1 бур – 6,3 га.

Она подошла к ситутле, брезгливо скинула грязные сандалии и мокрую накидку. Две рабыни помогли ей омыть руки и ступни. Нинсикиль приказала наполнить для неё врытую наполовину в землю глиняную ванну, обмазанную битумом, что было исполнено без промедления.

Эта ванна была ещё одной гордостью Нинсикиль, не меньшей, чем её лошадь или повозка. По требованию хозяйки в доме всегда был запас чистой воды – не менее одного гур-лугалья⁴⁷. Воду набирали из источника и держали на солнце в нескольких больших и толсто-стенных глиняных сосудах. Кувшины с водой сподручнее поднимать одновременно двум мужчинам из числа её слуг. Использованная после приёма ванны вода вытекала по керамическим трубам, смазанным в местах стыка битумом, наружу, в специальную ёмкость в саду. Из неё по керамическим желобам точно поливались плодовые деревья.

Когда ванна была наполнена, Нинсикиль скинула грязную тунику и поручила прачечнику⁴⁸ тщательно постирать одежду с песком и золой. Она медленно забралась в ванну и с наслаждением вытянулась. Согретая на солнце вода ласкала тело. Нинсикиль протёрла мыльным корнем руки, плечи и живот. Прислуживающая ей рабыня, молодая чужеземка с роскошными толстыми косами, нежно намылила её спину и шею. Передвигалась рабыня бесшумно. Журчание струйки воды из кувшина и стекающая по телу тёплая вода постепенно успокоили Нинсикиль.

Когда она вышла из ванны, другая рабыня, та, что с раскосыми глазами, услужливо преподнесла ей деревянную чашу, наполненную сладким финиковым вином. Хозяйку провели и уложили на специальную циновку из пружинистых ивовых прутьев, покрытую шкурой телёнка. Две рабыни мягко и старательно растёрли её до лёгкого покраснения. Они обильно нанесли на её стройное тело дорогое масло из Страны Кебра (*Ливан*).

4

Во время приятного действия Нинсикиль предалась воспоминаниям о тех временах, когда она впервые встретила своего мужа. Это случилось в её родном городе Ниппур десять лет тому назад. Уже тогда он был преуспевающим чиновником из близкого окружения царя. Энкид ей сразу не понравился. Он показался надменным, самоуверенным, холодным, тщеславным и циничным карьеристом. Да, красив собой и строен, но вдвое старше её. Она в тайне мечтала о сыне башмачника, который жил на её родной улице. Его она знала с детства. Красивый юноша, чуть старше Нинсикиль, всегда смешил её остроумными и меткими шутками и сравнениями. Они даже поцеловались один раз, скрывшись в ниспадающих ветвях огромной ивы на берегу канала. Она до сих пор помнила, как зашло её сердце от восторга и приятных, волнующих ощущений.

Впрочем, выбора у неё не было. Нинсикиль смиренно последовала воле и решению своего отца. Она вычеркнула из памяти сына башмачника и стала женой Энкида. Её отец рассматривал любовь как нечто опасное и разрушительное, а брак, заключённый по расчёту между его дочерью и влиятельным царским сановником, по его убеждению, гарантировал ей стабильность и благоденствие. Получив от отца богатое приданое, она вышла замуж и уехала вместе с супругом жить в столицу.

Нинсикиль улыбнулась, вспоминая, какой неловкой и пугливой она была со своим мужем в первые годы. Полюбила она Энкида и открыла его для себя с лучшей стороны только спустя

⁴⁷ Гур-лугаль – 300 сил или 255 л.

⁴⁸ Стиркой у шумеров занимались мужчины.

несколько лет. Тогда же она обрела своё счастье. Нинсикиль превратилась в красивую, яркую, весёлую и порой озорную молодую женщину, обожавшую своего супруга.

В гармонии и блаженстве прошли почти пять замечательных лет. Но всему приходит конец, и в их отношениях что-то поменялось и всё пошло не так. Она понимала причину и разделяла волнения и тревоги своего супруга по поводу отсутствия наследника, но не могла ничего изменить. Она молила о ребёнке всемогущих богов. Когда Нинсикиль навещала своего отца, она обязательно шла в храм Экур. В храме Нинсикиль возливала воду верховному богу Энлилю⁴⁹, покровителю Ниппура, и молила его о помощи.

Находясь в столице, Нинсикиль не реже раза в неделю выезжала в соседний город Эль-Обейд, где находился храм богини деторождения Нинхурсаг⁵⁰. Вход в храм богини охраняли статуи восьми свирепых львов, облицованных медью. Их каменные глаза таинственно и страшно блестели. Когда она увидела их в первый раз, испугалась их грозного вида, но со временем привыкла к медным стражникам и не забывала прикоснуться к ним при входе в храм.

Молодая женщина часами иступлённо молилась, мечтая зачать ребёнка для своего мужа. Однако все её мольбы и взывания к богам оказались бесполезными. Отчаявшись, Нинсикиль начала ходить по лекарям и прорицателям, щедро одаривая их богатыми подарками. Но и они не смогли излечить её бесплодие. После рождения сына от наложницы, муж совсем отдалился от неё. Последние два года она мучилась и страдала больше, чем радовалась жизни. Она чувствовала, что её характер меняется и становится дурнее, а она сама – черствее, циничней и злобней.

Вместе с чистотой и глотком сладкого вина Нинсикиль снова почувствовала в себе вернувшиеся уверенность и силу. «Чистая госпожа» поднялась и прошла, грациозно покачивая бёдрами, босая, с чашей вина в руке, по покрытому гипсом идеально чистому полу в свои покои на втором этаже. Кроме магического двойного красного шнура, опоясывающего её тонкую талию, с которым она никогда не расставалась, на ней ничего не было.

Она прошла в свою уютную спальню и прилегла на кровать с медными украшениями. Её покои с деревянной галереей когда-то несказанно радовали хозяйку. Дерево было специально доставлено с верховий реки Идиглат из далёкой горной страны, богатой лесом. Мастера Ура сотворили ей это чудо. Самого дерева хватило бы на постройку одного маленького корабля, как шутил её муж Энкид.

Нинсикиль набросила на обнажённое и приятно пахнувшее кедровым маслом тело лёгкую, тонкой шерсти, почти прозрачную накидку. Она попыталась ненадолго уснуть, чтобы окончательно успокоиться. Сквозь полудрёму она услышала, как в комнату кто-то поскрёбся. На пороге появилась бесшумная рабыня с сообщением о прибытии машкима. По уговору, за процесс против Геме-Инши она должна была оплатить его услугу – пять шекелей серебром и один ягненок.

Сначала Нинсикиль хотела приказать, чтобы молодой человек подождал её во внутреннем дворе дома, пока она оденется и соблаговолит спуститься к нему. Потом вдруг у неё мелькнула шальная мысль встретить молодого и весьма приятного мужчину в своей спальне. Ей вспомнились все переживания и мучения последнего года. Обида на мужа затмила разум и пробудила в ней чувство мести. Недолго поколебавшись, уверенным жестом она приказала рабыне привести машкима в её покои. Та без малейшего замешательства вышла с поклоном исполнять её указание.

⁴⁹ Энлиль – бог воздуха, разделивший небо и землю.

⁵⁰ Нинхурсаг – шумерская богиня деторождения.

Рабы имели определённые права в царстве Шумера и Аккада. Например, они могли занимать деньги, участвовать в торговом деле, иметь свою печать и даже выкупать свободу, но они не могли свидетельствовать против своего господина или госпожи. В суде их слова считались ничтожными и никогда не принимались как доказательство. В своём доме Нинсикиль обращалась с десятком рабов обоёго пола, не церемонясь, как с бездушными вещами. Когда приходил самый знойный период лета, она запросто позволяла себе ходить по женской половине дома голышом, словно её окружали кувшины и стулья, а не прислуга.

В ожидании машкима Нинсикиль поправила набитые сухими душистыми травами подушки, сшитые из тканей разного цвета, приняла соблазнительную позу, слегка оголив длинные стройные ноги. Прикрыв глаза, Нинсикиль прислушивалась к себе. Предвкушение опасной встречи с чужим мужчиной – не мужем – постепенно затмило её разум. Она почувствовала нахлынувшее на неё волнение и возбуждение, перерастающее в томную негу во всём теле. Нинсикиль, сдерживая себя, выгнула спину и сладострастно застонала.

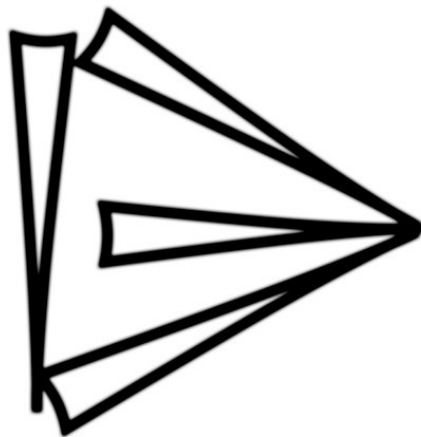
В царстве Шумера и Аккада свято охранялись брачно-семейные устои. По закону, мужу, заставшему жену во время измены, позволялось утопить любовников в реке, связав их вместе. Однако допускалось, что муж мог проявить великодушие и простить неверной жене и её возлюбленному факт измены. Тем самым он щадил грешников, но подвергал себя насмешкам окружающих и всеобщему унижению. В случае отсутствия прямых доказательств, а лишь домыслов, жена могла оправдаться, поклявшись в верности супружескому долгу перед богами в храме. После такой клятвы она считалась невиновной.

Энкид уже давно не дарил своей страсти Нинсикиль. Неудовлетворённая супруга, конечно же, чувствовала охлаждение со стороны мужа, как и любая женщина интуитивно чувствует это. К тому же её муж уже три месяца находился за много лиг от дома и физически не мог застать её на месте прелюбодеяния.

Опасность и близкое к животному желание немедленного соития возбуждало Нинсикиль и позволяло ей вполне безнаказанно поддаться мимолётному увлечению, скорее даже – наваждению. Она возмечтала броситься в жаркие объятия молодого мужчины с курчавым чёрным волосом, красивым крупным носом и крепким торсом. Она распалила воображение, представляя себя в его объятиях. Услышав шелест одежд рабыни, пришедшей известить её о прибытии гостя, Нинсикиль почувствовала, как непроизвольно участилось её дыхание и увлажнилась её саль⁵¹.

Отбросив последние сомнения, она позволила войти молодому человеку.

⁵¹ Саль – женский половой орган.

IV. Энкид

Кот – за то, что он кот; мангуст – за то, что он делает.
Шумерская поговорка

1

Проснулся Энкид рано. Горизонт окрасился во всю ширину оранжевым – заря, предвестница восхода могущественного бога Солнца Уту. Энкид обычно вставал в это время – привычка, выработанная годами. Оставаясь неподвижным, не открывая глаз, он прислушался к своему тренированному телу, выискивая возможные неполадки или сбои. Энкид любил это состояние перехода от сна к бодрствованию, когда мышцы ещё полностью расслаблены, а мозг уже проснулся. Ощувив себя абсолютно здоровым, он открыл глаза и с наслаждением потянулся. Отбросив покрывало и надев набедренную повязку, он, как был босиком, спустился во двор, освободив в отхожем месте кишечник и мочевой пузырь. Обитатели крепости досматривали сладкие утренние сны, не спал только наблюдатель на смотровой вышке и караульный повозки с поклажей. Энкид ополоснул руки и лицо и бодро поднялся на крышу.

Он встал лицом к восходу, выровнял спину, глубоко вдохнул утренний свежий воздух, задержал дыхание и выдохнул, освобождая лёгкие. Приветствие солнцу – утренний ритуал Энкид совершал ежедневно. Он давал ему силу, бодрость, уверенность и наполнял энергией на целый день.

Размяв до ощущения теплоты кисти рук и пальцы, он начинал легко массировать голову, лицо, уши, шею. Затем следовали упражнения для суставов кистей, локтей, плеч, шеи, торса, спины, ног и таза. Делал он по шесть повторений. Разминая ступни, перемещал тяжесть тела попеременно с ноги на ногу, словно пританцовывая. За ступнями – лодыжки, колени, бёдра. Заканчивал Энкид очистительным дыханием. Он дышал животом, вдыхая через нос и выдыхая грудью. На выдохе, хакнув, он делал энергичное приседание.

Закончил Энкид разминку тела с появлением первых лучей, окрасивших горизонт в огненно-оранжевый цвет. Любуясь величию растущего ослепительного светила, он с удовольствием медленно и пружинисто вытягивался навстречу ему, поднимая руки и открывая ладони. Когда глаза начали слезиться от восходящего на небо бога, он, прикрыв веки, опустил руки вдоль тела, словно пуская корни в землю. Расслабившись, он склонил голову к груди и начал произносить про себя молитву – обращение к богу Уту. Медленно поворачивая голову влево и вправо, вверх и вниз, Энкид приветствовал восход своего могущественного покровителя.

2

В царстве Шумера и Аккада поклонялись целому пантеону богов. Из пятидесяти богов – дингиров по-шумерски – верховными считались: Ан – бог неба, мужское начало; Ки – богиня земли, женское начало; Энлиль – бог воздуха, разделивший небо и землю; Энки – бог мудрости и моря; Нанна («Син» по-аккадски) – бог Луны, покровитель мудрости; Уту – бог Солнца, следивший за порядком во вселенной и нравственностью людей; Инанна – богиня любви и войны.

К верховным богам напрямую позволялось обращаться только правителям, некоторым жрецам и небольшому числу подданных – такое право даровал им лично богоподобный царь Шульги-Син.

Судьба распорядилась так, что Энкид во времена своей юности учился вместе с будущим царём Шульги в одной эдуббе. Обучался царский отпрыск под вымышленным именем, о чём

было известно только отцу школы – уммий⁵². Наравне с другими будущий царь достойно прошёл весь курс обучения и стал умелым писцом. Особенно юноше удавалось обучение иностранным языкам. Он был усидчив и старателен в заучивании сибилариев⁵³ и имел какую-то свою систему запоминания. К моменту завершения обучения Шульги свободно владел шумерским, аккадским, эламским, аморейским и субарейским языками, проявляя чудесные возможности памяти. Использование красивых, редких и уместных слов на любом из языков и потрясающе точное знание исторических фактов делало будущего правителя непобедимым на многочисленных диспутах в эдуббе. Ученики обожали его, даже не подозревая о его царском происхождении.

Арифметика, а особенно астрономия, давались будущему правителю с трудом, в отличие от Энкида. Тот схватывал на лету и не раз терпеливо помогал старшему товарищу.

Энкид хоть и был моложе будущего царя, входил в его компанию из старших учеников эдуббы. Дружбу будущего царя он приобрёл после того, как однажды, доказывая свою зрелость, сумел просидеть в реке под водой один период⁵⁴ времени. Он дышал через тростниковую трубочку, превозмогая желание вынырнуть, цеплялся за корни тростника затёкшими руками, не чувствуя одеревеневшего от холода тела. Энкид выдержал это испытание. Никто в эдуббе не мог повторить его рекорд.

Когда Шульги стал царём, он не забыл об Энкиде. После блестящего завершения обучения в эдуббе Энкиду не пришлось размышлять, чем заниматься. Молодой царь призвал его к себе на службу. Со временем Шульги даровал ему, кроме всего прочего, привилегию обращаться в своих молитвах к верховному богу – могущественному Уту – богу солнца, покровителю города Ларсы, откуда Энкид был родом.

Сам Шульги-Син считал своим покровителем верховного бога Луны – Нанну, вершителя судеб мёртвых и отца богини Инанны. Богоподобный царь Ур-Намму, отец Шульги, начал строить великолепный храм Нанне в новой столице Уре; богоподобный Шульги-Син завершил его дело. Всем другим под страхом смерти запрещалось обращаться напрямую к Нанне. Шульги завоевал и поработил целый народ – амореев⁵⁵ – запретив им молиться богу Луны, которого они называли Син. Имя этого бога он добавил к своему имени, став Шульги-Син; амореи же по его повелению должны были веровать отныне в сына бога Луны – Нумушду.

Простые люди в царстве могли выбирать для молитв покровителей из оставшихся богов и богинь. Только моряки имели определённую привилегию. Постоянный риск и опасность их деятельности позволяли обращаться за покровительством прямо к дингиру Энки – богу мудрости и моря.

Слово мужчины было решающим во всех важных семейных событиях и спорах, а потому он избирал бога или богиню-покровителя для себя и своей семьи. К нему или к ней обращались с мольбами и молитвами. Жители царства молили богов-покровителей о здоровье, достатке, успехе, престиже, уважении окружающих, богатом урожае, удачной охоте и обильной рыбной ловле.

В домах побогаче имелось место для подношений со статуэткой хранителя семьи из металла или дерева, гипса или слоновой кости. Считалось, что бог-покровитель донесёт одному из верховных богов чаяния и мольбы взывавшего к нему, и тот благословит его начинания. Верховным богам обычные люди могли поклоняться только по большим праздникам в городских зиккуратах.

⁵² Уммия – директор эдуббы, «отец школы».

⁵³ Сибиларий – словарь иностранных слов.

⁵⁴ 1 период времени – 2 часа.

⁵⁵ Амореи – «западные люди», как их называли шумеры.

Покровителем Абзу, отца Энкида, был дингир Сумукан – бог овец и всех диких четвероногих животных, сын верховного бога солнца Уту.

Тесть Акалла, приравненный к жрецам, имел право обращаться к верховному богу Энлилю⁵⁶ – покровителю Ниппура. Его дочь и первая жена Энкида, Нинсикиль, могла молиться Энлилю только в храме Экур в Ниппуре. После замужества она обращалась за защитой к Нинхурсаг – богине деторождения.

Вторая жена, Инша, как посвящённая жрица пользовалась покровительством Инанны – богини любви и войны.

Земледельцы поклонялись дингиру Эnten – богу-покровителю фермеров.

«Воды, несущие жизнь во все земли, – за них отвечает Эnten. Фермер богов – он даёт всё», – так было записано на их таблицах.

Нинурта – богиня земледельцев; Лахар – бог скота; Думузи – бог-пастух; Ашнан – прама-терь, богиня зерна; Эа – покровитель гончаров, строителей и кузнецов; Утга – богиня ткачества и одежды. Производители кирпичей почитали дингира Кулла – бога кирпича и отца легендарного царя-героя Гильгамеша. Шумерские врачи обращались к Нинисинна, дочери верховного бога Ана. Её чаще называли богиня Баба – «великая врачевательница «черноголовых», создавшая людей, покровительница медицины и целительства.

Существовали боги-покровители, которым поклонялись целые народности, проживающие на территории царства. Не согласившись обращаться к сыну бога Луны Нумушду, кочевники-амореи тайно молились дингиру Марту – богу бедуинов. Он почитался и как бог врачевания.

Самой популярной среди мужчин и женщин, независимо от их положения и сословия, считалась богиня Нинкаси – богиня пивоварения и хмельных напитков. За неё поднимались тосты и здравницы во время застолий.

Боги и богини находились меж собой в тесном родстве: они, как и люди, жили своими страстями, любили и ненавидели, интриговали и обманывали, мстили или выказывали благородство. Смертные копировали уклад жизни, порядки и иерархию бессмертных дингиров.

3

Завершив приветствие ослепительному Уту, Энкид, захватив сапоги и одежду, спустился во двор, ступая босыми ногами ловко, как мангуст. Он хорошо выспался и чувствовал себя полностью отдохнувшим. Во дворе гость увидел Аттайю, тот сосредоточенно правил кинжал на точильном камне из лазурита. Энкид выпил предложенную ему чашу воды из колодца и омыл с помощью Аттайи тело, ноги и руки. Он надел тунику, подпоясался широким кожаным ремнём, разгладил двумя руками волос, зашнуровал сапоги и прошёл в сад под кроны фруктовых деревьев. В добром расположении духа он сел за богато накрытый хозяином стол.

К столу подали блюдо из утки. Крупную тушку коптили всю ночь горячим дымом от веток фруктовых деревьев, оставшихся после весенней подрезки. Острым ножом Аттайа отрезал от тушки сочные и аппетитные кусочки. Он почтительно сложил аккуратную горку на плоскую медную чашу перед гостем. Свежие лепёшки из муки мелкого помола, испечённые хозяйкой в глиняной печи, врытой во дворе в землю, благоухали хлебным и сытным духом. Соус из сливы добавлял пикантный вкус яству. Из глубоких медных чаш пили козье молоко утренней дойки. В большом блюде посередине стола лежали сушёные финики, инжир, яблоки, сливы и абрикосы из сада хозяина. Энергичный с утра Аттайя как будто и не пил вчера, шутил и подкладывал Энкиду лакомые кусочки.

⁵⁶ Энлиль – бог воздуха, разделивший небо и землю.

Когда они вместе с Аттайей уже заканчивали сытную утреннюю трапезу, на заставу прибыл царский гонец на короткой повозке, запряжённой взмыленным конём. Он покинул стены столицы ещё до рассвета и остановился на заставе, чтобы напоить коня. Гонец доставил Энкиду таблицу с царской печатью. Он обрадовался, встретив царского сановника так быстро, и с поклоном двумя руками передал ему конверт из глины с запечатанной внутри таблицей. Аттайа, как это было положено, немедленно поручил выдать царскому посыльному двойную порцию еды – первую порцию на время его пребывания в крепости, вторую – в дорогу.

Смотритель уважительно разглядывал золотой оттиск царской печати и тактично молчал, пока Энкид аккуратно разбил маленький глиняный колчан и бегло прочитал сообщение. Царь приказывал Энкиду спешно прибыть во дворец Эхурсаг⁵⁷. Спешно – означало «как можно быстрее», но не означало «немедленно». Если бы случилось что-то неординарное, приказ звучал бы так: *«Царь говорит следующее: Не ешь, не пей и даже не садись, пока ты не приедешь»*.

Энкид, оставаясь спокойным, попросил Аттайю подготовить таблицу расходов. Начальник гарнизона удалился, подобострастно кланяясь и пятясь от него. В ожидании Энкид прикрыл глаза. Его охватила лёгкая эйфория – сам богоподобный Шульги-Син призывает!

Хозяин станции вернулся с двумя влажными глиняными таблицами, подготовленными казначеем заставы. Не особо вникая в написанное и не торгуясь, Энкид прокатал свою серебряную печать внизу каждой таблицы. Аттайа поставил рядом плоскую казённую печать, вырезанную из камня. Одна таблица оставалась для отчётности у Аттайи, другая предназначалась для Энкида. По возвращению во дворец ему вернут эти затраты. Он оплатил смотрителю станции чуть больше, чем было написано в таблице, попросив поблагодарить ветерана-караульного, сторожившего его поклажу.

Проверив шнуровку на сапогах, Энкид надел тщательно почищенную накидку и направился в конюшню. Сопровождавшие его стражники слаженно запрягали онагров в повозку. Его благородный жеребец отдохнул от перехода предыдущего дня и был сыт, получив с вечера порцию ячменя и чистую воду. Он сдержанно приветствовал Энкида лёгким ржанием. Энкид проверил копыта, закрепил седло, одел узду и легко вскочил на Лулу, готовый к переходу в столицу. Выехав во двор, он приложил правую ладонь к сердцу, прощаясь с Аттайей и его домочадцами. Женщины склонились перед ним, касаясь руками колен, Аттайа с достоинством поклонилась, приложив правую руку к сердцу. Энкид подал сигнал воинам. Пора!

Застоявшийся конь, сдерживаемый всадником, крупной рысью помчался по мощёной дороге, ведущей в столицу. Впереди, со стороны Эль-Обейда, в небе появилось облачко пыли от встречного каравана. Солнце к тому времени поднялось на ширину ладони. Несмотря на самое начало месяца нисан⁵⁸, день обещал быть жарким.

4

Направляясь в столицу, Энкид размышлял, для чего царь Шульги пожелал его спешно видеть. Последний раз встреча с царём случилась у Энкида перед инспекционной поездкой на строительство канала и дамбы восточнее Ниппура. Царю доложили об отставании от сроков и перерасходе казны на стройке. Он призвал Энкида, поручил разобраться с причинами и устранить отставание. Сановник получил от царя особые полномочия. Соответствующий приказ был нанесён на позолоченную по краям таблицу, скреплённую царской золотой печатью.

Царь напутствовал Энкида быть внимательным, объективным, строгим, но справедливым. Акургаль – чиновник, отвечающий за безопасность в государстве, уже получил от царя

⁵⁷ Эхурсаг – дворец и резиденция царя Шульги-Син.

⁵⁸ Нисан – название месяца – март-апрель.

указание обеспечить охрану Энкида. Казначей выдал ему один талант⁵⁹ – тридцать килограммов серебром в виде полуколец – сумму, равную расходам по строительству за месяц. Дополнительно почти такую же сумму царский инспектор получил в виде шести слитков золота, каждый весом в одну ма-на – пятьсот грамм – чтобы у него был запас на всякий случай. Золото дороже серебра в восемь раз, и его гораздо удобнее перевозить, всегда можно обменять у ростовщиков на серебро, свинец или медь – ими повсеместно пользовались для расчётов. Не реже одного раза в месяц специальные царские стражники привозили управляющему строительством канала необходимые для работы средства. Но в этот раз царь решил, что Энкид возьмёт достаточную сумму с собой и сам будет решать, как её использовать.

Строительство каналов, плотин и запруд, входивших в единую ирригационную систему, вело к процветанию всего царства. Каналы использовали как для орошения, так и для доставки грузов по воде. Рытьё каналов и возведение дамб представляло собой сложную задачу с привлечением множества рабочих, мастеров и ремесленников. Строительство плотин и каналов требовало специальных знаний и умений для подготовки чертежей и точных расчётов, составления планов и временных графиков. Стройка вблизи Ниппура потребовала задействовать более тридцати царских мастеров-гурушей, многие из них имели образование писцов.

Самые тяжёлые работы выполняли рабы – больше тысячи. Свободные граждане-ремесленники – их называли клиентами – объединялись в артели и брались за работы, требующие навыков и опыта. Таких в списках было больше сотни: кузнецы, плетельщики корзин, плотники, точильщики орудий труда, лекари, пекари, повара и могильщики. Охрана состояла из гарнизона солдат-лучников и стражников – из расчёта один воин на десять рабов. Само строительство контролировали строгие надзиратели – угулы. У всех была одна задача – завершить работы точно в срок.

В сопровождении двух стражников, выделенных ему на время инспекции, Энкид уже следующим утром отправился в путь. Он специально решил двигаться вдоль русла будущего канала, чтоб увидеть все работы собственными глазами. В Лагаш через Гирсу и Умму направлялся воды своенравного в дни весенних половодий Идиглата, там же будет сооружена запруда. К обеду повозка миновала Лагаш, к вечеру Энкид прибыл в Гирсу. По дороге он замечал вешки, сделанные из пучков тростника, указывающие направление работ. Решив заночевать в Гирсу, он сразу отправился во временный лагерь, разбитый строителями вблизи города. Предъявив стражникам лагеря серебряную печать, удостоверяющую его личность, Энкид велел остановиться у дома управляющего. Ему навстречу вышел высокого роста и крепкого сложения молодой человек лет тридцати с великолепной осанкой.

Энкид неторопливо спустился с повозки, радуясь возможности размять ноги, и повернулся в его сторону.

Тот с достоинством поклонился:

– Намхани, управляющий строительством в Гирсу, приветствует тебя, – низкий голос управляющего очень подходил к его облику.

– Энкид – инспектор царя, – невольно подражая ему, понизил свой голос против обычного Энкид.

Намхани ещё раз поклонился, на этот раз чуть ниже, чем в первый раз.

– Желает ли царский инспектор осмотреть лагерь, разделить вечернюю трапезу или отдохнуть после дороги?

– Именно в такой последовательности, – слегка улыбнулся инспектор.

– Прошу тебя следовать за мной, почтенный Энкид. Для меня большая честь встречать лично одного из близких и доверенных подданных нашего царя.

⁵⁹ 1 Талант – мера веса в 30 кг.

Энкид не услышал в его голосе ни нотки фальши, ни подобострастия. Они прошли по всему лагерю, в котором царили порядок и чистота. Строители закончили возведение барачков, складов, мастерских, большой столовой под навесом, конюшни и отхожего места. Они были готовы принять тысячи рабочих, когда строительство дойдёт до их участка. Энкид остался доволен. Намхани понравился ему.

Во время вечерней трапезы в доме с простой обстановкой управляющий Намхани рассказал о себе и поделился тем, что его волновало.

Родом он был из Лагаша. В его семье все мужчины были строителями. Ещё в детстве он помогал отцу и деду: носил воду, подавал нужный инструмент, месил раствор глины с тростником, утаптывая его босыми ногами. Позже в эдуббе Лагаша он научился исчислениям и проектированию. Став молодым гурушем царя, Намхани получил первый опыт на строительстве храма бога Луны Нанне в Уре. Там его заметили и направили с повышением по службе на строительство канала и дамбы восточнее Ниппура. Большая удача для молодого человека!

Однако на строительстве его рвение осталось незамеченным. Управляющий Липит оградил себя личным кругом исполнителей, через которых и управлял вверенным объектом. Лояльность к управляющему выражалась в безусловном подчинении приказам, какими бы абсурдными они ни казались. Намхани не мог пойти против совести и поступиться своими принципами. Ну не мог он завышать объёмы выполненных работ и манипулировать с глубинами канала и расходом строительных материалов. Липит довольно быстро избавился от ретивого работника, отослав его в Гирсу. Намхани считал это своим поражением. Об этом он и сказал царскому инспектору. Он не жаловался. Ему было обидно.

– Липит работает на себя и на кого-то в столице, кто оказывает ему огромную поддержку. Он очень влиятельный чиновник, и ему плевать на результат, – заключил Намхани. Он надолго приложился к соломинке в чаше с пивом, опустив голову. Энкид молча пригубил из своей чаши.

– У тебя здесь, в Гирсу, кажется, всё под контролем. Основные рабочие силы подойдут к тебе не раньше, чем к зиме. Чем ты займешь строителей?

– Всё не так просто. Серебро я получаю от Липита последним. Вот уже шесть месяцев он не платит клиентам и поставщикам. Каждый день мне приходится общаться с ними. Все они хотят получить своё. Рано или поздно они перестанут верить мне, и я не смогу справиться с этим.

– О какой сумме мы говорим?

– Почти пятьдесят мин (двадцать пять килограммов серебром).

– Однако. И это только в Гирсу. Что же творится близ Ниппура и дамбы? – только сейчас Энкид осознал размеры проблемы. – Наш царь велик и справедлив, он не станет терпеть лжи и воровства, для этого я и прибыл, – Энкид решительно встал из-за стола и удалился в свою комнату для размышлений и ночлега.

5

Из Гирсу Энкид поехал прямо к Липиту – главному управляющему строительством. Управляющий не знал, какой тон ему выбрать в общении с Энкидом. Тот был закрыт и строг. Энкид сослался на усталость и попросил выделить ему место для ночлега. Липит поручил сопроводить царского инспектора в отдельную комнату и не забыл предложить ему содействие и помощь в работе.

Довольно быстро Энкид разобрался с отчётностью. Он понял причину проблемы и вскрыл грубые и сознательные просчёты. Люди, с которыми он общался, помогали ему. Они устали от всего того, что творилось на стройке. Верные сподвижники Липита старались не выпускать его из поля зрения, но им было не по рангу запретить Энкиду встречаться с кем

он хочет. Энкид сумел разоблачить Липита. Тот, как оказалось, нагло воровал из средств, выделенных царём. Липит не брезговал обкрадывать строителей, занижая им нормы питания и сокращая расходы на их содержание. В столицу же управляющий регулярно отправлял завышенную отчётность по расходам, вписывая в таблицы имена умерших рабов. Липит не платил вовремя бригадам клиентов, а кому-то и вовсе не платил, находя различные причины.

Свободные граждане тихо роптали между собой, но открыто выступать боялись, зная крутой нрав и безнаказанность Липита. Управляющий отличался особой жестокостью. В наказание, но скорее для страха, он приговорил нескольких рабов к мучительной смерти на костре или на кольях. Экзекуции проводились регулярно. Жертвы, кому «повезло», умирали быстрой смертью – им связывали руки за спиной и убивали ударом топорика в голову. Телесные наказания рабов даже за минимальные провинности проходили показательно и практически ежедневно.

Липит и его люди сначала пытались задобрить и подкупить Энкида, чтобы тот закрыл глаза на их махинации, не поднимая лишнего шума, но царский инспектор оказался строгим и неумолимым.

В какой-то момент люди Липита предприняли попытку отравить Энкида, подсыпав ему яд в чашу с вином. Благодаря бдительности стражников им не удалось осуществить задуманное. Чтоб найти управу на упрямого и несговорчивого сановника, люди Липита организовали «случайное знакомство» Энкида с ослепительной красавицей в дорогих одеяниях. Она обволакивала Энкида томным, любопытным и бойким взглядом, буквально гипнотизируя его. Но Энкид не поддался её чарам, невольно отмечая «непроизвольные» призывные движения её гибкого тела, просвечивающего сквозь тонкую ткань туники. Наитие кричало: эта великолепная красавица появилась тут совсем не случайно. Вместе со сладким запахом её благовоний от неё исходила опасность и угроза, возможно, даже стыдная болезнь «тун и ну»⁶⁰, которую почти невозможно излечить.

В конце концов Липит пригласил столичного чиновника к себе на вечернюю трапезу для решающего разговора. Энкид пошёл. Липит решил запугать ретивого царского чиновника.

– Ты не можешь себе представить, на кого ты замахнулся. Чего ты добиваешься?

– Правды. Той, что диктуют нам наши моральные законы «Ме». В них моя сила. А что есть у тебя?

– Многое. Например, родство с богоподобным царём Шульги-Син. Друзья на мгновение, родство – на век, – вспомнил он шумерскую пословицу.

– Не позорь своего родственника, тем более богоподобного. Ты должен уйти. У меня есть полномочия выкинуть тебя с позором. Лучше сделай это добровольно.

– Мой принципиальный друг, в ближайшем будущем тебя ждут трудные времена. Будь, как все, и ты станешь сказочно богат.

Энкид только усмехнулся на это, так как угрозы и посулы ему приходилось слышать и раньше, причём от куда более влиятельных людей. Он с презрением смотрел на долговязого, слегка сутулого от показного подбодрения Липита с неприятной слюнявой усмешкой на угреватом лице и жирным неопрятным волосом.

– Выбирай.

Липит замолчал, не снимая с лица влажной усмешки.

– Ты ещё пожалеешь настолько, что будешь умолять меня сжалиться над тобой, ублажая меня своим ртом, а я подумаю, простить тебя или нет.

Энкид вспыхнул:

⁶⁰ Тун и ну – венерическое заболевание.

– Тебе следует выучить язык эмесаль – язык евнухов, чтобы твои покровители правильно использовали твои способности. Завтра с рассветом твоей ноги здесь не будет.

Если бы Энкид был плохо воспитан, он бы запросто плюнул в него.

6

Рано утром стражники беспрекословно исполнили указания царского инспектора с золотой печатью царя и вывели с позором Липита и его людей за пределы строительства. Сдержанное улюлюканье рабов, слышимое в приглушённом ропоте толпы, сопровождало разъярённого и растрёпанного Липита. Брызжа слюной и изрыгая проклятия, он умчался в столицу на дорожной повозке, запряжённой двумя лошадьми. Липит намеревался искать «правду» и покровительство при дворце.

Красавица с томными глазами вскоре после этого последовала за ним. Доверенные подчинённые Липита разбежались по щелям, чувствуя неотвратимость наказания. Если ретивый чиновник из столицы сможет доказать преднамеренность их деяний и их злой умысел – не сносить головы лизоблюдам Липита. Они должны возместить украденное в тройном размере или поплатятся свободой, обрекая себя на трёхгодичное рабство. Незавидная участь ждала их в бараках рабов.

Энкид встретился с тремя претендентами на освободившуюся должность управляющего. Двое со стройки, один – по рекомендации его тестя Акаллы. Они ему не понравились. Он не забыл и Намхани. В этом парне что-то было. Намхани – аккуратный и сдержанный, хотя сквозь сдержанность иногда проскальзывала порывистость, свойственная молодости.

– Молод, зато быстрого ума. Если он справился с малым, он сможет сладить и с большим, – решил Энкид.

Гонец с депешей для Намхани выехал в Гирсу почти сразу. Намхани добрался вечером следующего дня. Энкид велел сопроводить его к дому бывшего управляющего, комнату в которой он занимал. Намхани немного подождал, пока о нём доложили. Встречать его вышел Энкид, одетый в белую тунику с красным орнаментом на воротнике и на подоле. Он излучал уверенность и силу. Но глаза и улыбка выдавали искреннее расположение к молодому гурушу:

– Друг мой, ты мне нужен здесь. Проходи.

Намхани, приложив руку к сердцу, приветствовал его в уважительном поклоне. Они поднялись на второй этаж. Намхани удивила, но не впечатлила богатая и безвкусная обстановка дома. Следом за Энкидом он вошёл в большую комнату. Энкид энергичным жестом предложил ему занять стул Липита за столом из красного дерева.

Намхани всё понял. Но он снова сдержанно опустил голову в знак уважения к воле Энкида и со спокойным достоинством прошёл и занял место управляющего. Энкид чувствовал, как ликует сердце Намхани, тот смутился и едва мог скрыть торжество. Энкид дал ему время успокоиться, медленно подошёл к нему, встал сбоку:

– Сам царь Шульги-Син приедет на открытие нового канала. Он лично заложит храм. Говорят, что покровителем нового храма будет древняя царица Лагаша – Нанше. Именно в Лагаш направляются воды по нашему каналу.

Объяснять Намхани, кем была царица Нанше, не требовалось. Он был из Лагаша. Задумавшись на мгновение, он начал цитировать по памяти бархатным голосом:

Нанше?

Та, что мать сирот и вдов?

Находит кров слабым,

*Берет беженцев к себе на колени,
Что изыскивает справедливость для беднейших?*

Энкиду было приятно услышать столь поэтичный ответ нового управляющего. Он еле заметно покивал, внимательно и благодушно рассматривая зарумянившегося Намхани. Тот поднял голову и прямо посмотрел в глаза Энкида. Но опустил глаза, не выдержав взгляд сановника. Энкид медленно обошёл стол, оказался на середине комнаты напротив Намхани, остановился и продолжил текст гимна, посвящённого Нанше, хорошо поставленным голосом чтеца:

*Нанше, которая не терпит тех,
Кто преступил установленные нормы,
Кто нарушил договор,
Кто благосклонно взирал на греховные места,
Кто подменял малый вес большим,
Кто подменял малую меру большой мерой,
Кто сказал: «Я съел бы запретное»,
Кто сказал: «Я выпью запретное».
Нанше ищет сердца людей.*

Намхани удивлённо и почтительно взирал на царского инспектора. Он только что получил не только поэтическое наставление, но и власть, размеры которой ещё не мог себе представить.

Царский сановник дал новому управляющему чёткие указания: первым делом навести порядок на строительстве, разобраться с содержанием рабов и клиентов, выдачу всего необходимого производить в соответствии с утверждёнными царём нормами. Одновременно следовало ускорить работы по строительству, чтоб успеть завершить его в срок.

Намхани быстро разобрался с нормами выдачи питания. После чего предложил каждому работнику обращаться лично к нему, если возникнут новые решения или способы, которые помогут ускорить работы. Если предложение поступало от раба и было полезным, то Намхани даровал ему своей властью свободу и выдавал разовую оплату в пять шекелей серебром. Свободный гражданин, внёсший предложение, мог рассчитывать на щедрое вознаграждение и повышение по службе.

Почти сразу после этого последовал дельный совет от одного из рабов – использовать для укрепления дамб и берегов канала старую и крепкую виноградную лозу, которая была гораздо прочнее тростника. Предложение приняли, так как виноград выращивали поблизости. Лоза помогла ускорить строительство, раб получил свободу и вознаграждение. Это событие тут же стало легендой среди строителей, особенно среди рабов.

Чтобы ускорить ход работ, Намхани обещал увеличить норму питания тем, кто трудится усерднее. Те, кто отставал от графика, наоборот, получали меньшую пайку. За ударный труд и особые достижения он даровал показательно свободу рабам. К концу первого месяца своего руководства новый управляющий решил проблему с невыплатами необходимых сумм артелям клиентов. После долгих встреч и разговоров ремесленники коллективно пошли на уступки, согласившись на меньшую оплату причитающихся им сумм, так как теперь отпадала необходимость делиться частью заработка с доверенными людьми старого управляющего. К тому же они получили гарантии регулярных оплат за выполненную работу.

Управляющий отказался от телесных наказаний, но дисциплина от этого несколько не пострадала. Сурово наказывались, как велит закон, только серьёзные преступления. Смерт-

ные приговоры стали большой редкостью, а смерть виновного была быстрой и лёгкой. Окончательное решение по судебным делам принимал Намхани – у него были на это право и полномочия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.